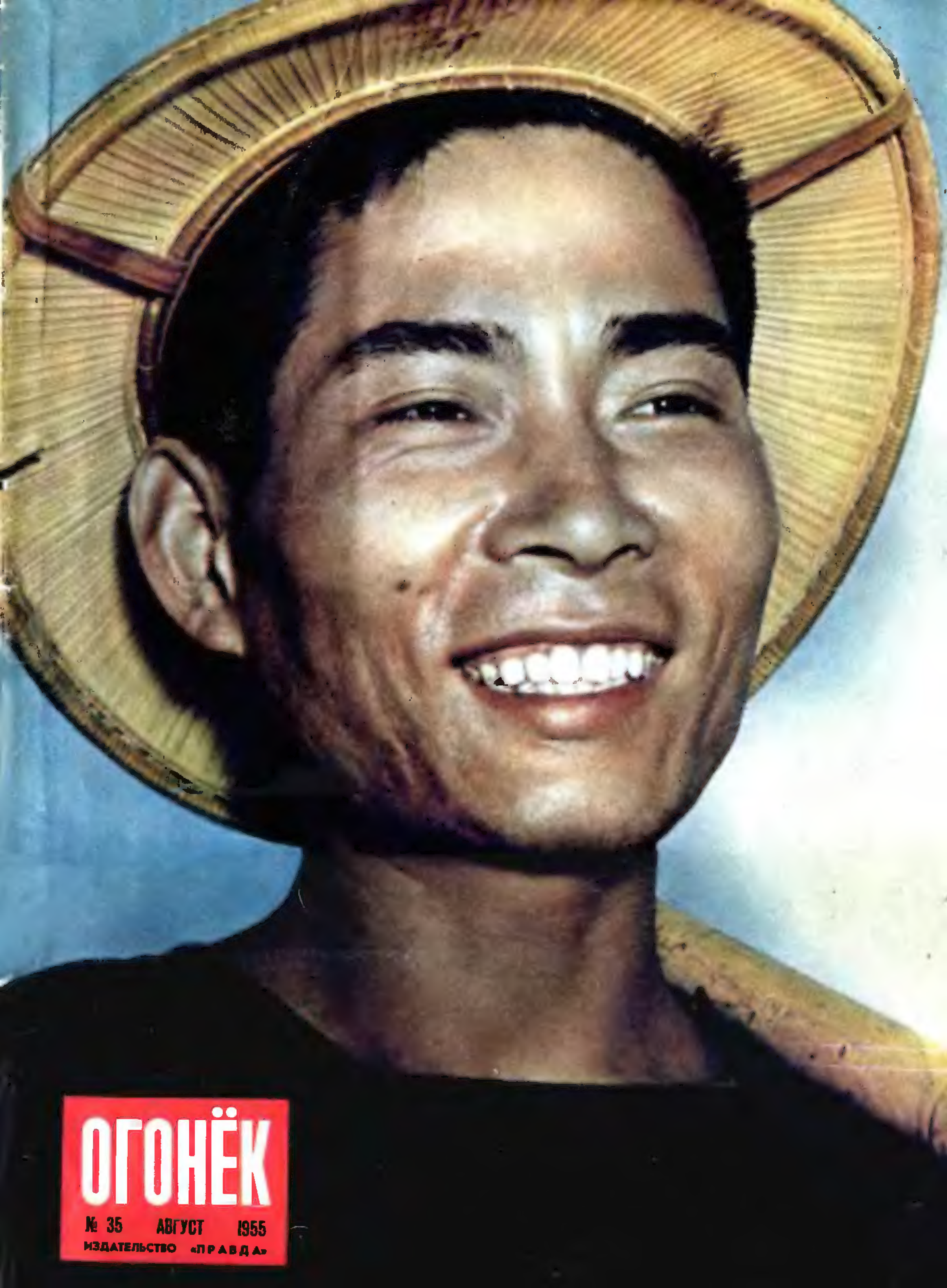

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ник. Абрамов. «Индира Ганди в Красной Пахре», панно (деревянная мозаика).

На первой странице обложки. Демократическая Республика Вьетнам. Нгуэн Ван Хиэп, начальник парома на реке Ба.
На последней странице обложки. Демократическая Республика Вьетнам. На улице Ханоя.

Фото Дм. Бальтерманца.

33-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 35 (1472) 28 АВГУСТА 1955

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

АТОМНУЮ ЭНЕРГИЮ НА СЛУЖБУ МИРА

Финальный удар председательского молотка раздался в переполненном зале Ассамблеи Дворца наций в Женеве. Индийский ученый доктор Баба объявил Международную научно-техническую конференцию по мирному использованию атомной энергии закрытой. 905 корреспондентов ринулись в галерею прессы, к телеграфным аппаратам и телефонным будкам. Ученые 73 стран прощались друг с другом. Они желали друг другу успеха в работе, обменивались адресами, уславливались о будущих встречах. Дух дружбы и сотрудничества, который царил на конференции все тринадцать дней ее работы, проявился с новой силой в минуты расставания.

В секретариате мы узнаем, что документы конференции только на четырех официальных языках составляют 64 тысячи страниц. Каждая из них запечатлела сгусток человеческой мысли, проникающей в недра вещества, в сокровеннейшие тайники природы. И в каждом из докладов, обзоров или коротких сообщений — свидетельство желания ученых мира применить величайшее научное открытие нашего века для блага и счастья людей. Секретариат ООН приступает к изданию трудов конференции. К ним часто будут обращаться во всех лабораториях мира.

— Это была очень интересная и очень важная конференция,— сказал мне глава английской делегации сэр Джон Кокрофт.— Здесь собралось много ученых, достойных уважения людей. Мы, англичане, встретили старых и приобрели много новых друзей.

В президиуме конференции (слева направо): Д. В. Скобельцын, Джон Кокрофт (Англия) и Раби (США).

В галереях и залах Дворца наций все эти дни можно было видеть, как группы ученых оживленно беседуют между собой. Это были своеобразные маленькие научные конференции. Вот только что кончилось заседание секции физики реакторов. Но група американских, советских, шведских, французских ученых продолжает в коридоре дискуссию по интересующим их проблемам.

За столом в ресторане встретились советский профессор Д. И. Блохинцев, научный руководитель первой электростанции на атомной энергии, и доктор А. М. Вейнберг из США. Их шутя называют «котельщиками»: оба ученых работают в области конструирования атомных котлов — реакторов. Отодвинуты тарелки, на столе появилась бумага, а на ней — хитро сплетающиеся кривые и цепочки формул.

В залах советской выставки такие же деловые беседы.

— Какова у вас удельная активность кобальта-60?

— Вы применяете туллий-170 для контроля качества изделий?

Это разговаривают специалисты в области применения радиоактивных изотопов в промышленности — профессора С. Назаров из СССР и Доан из США.

Профессор Доан делится впечатлениями о советской выставке по мирному использованию атомной энергии:

— Я приятно удивлен количе-

Пресс-конференция советской делегации.

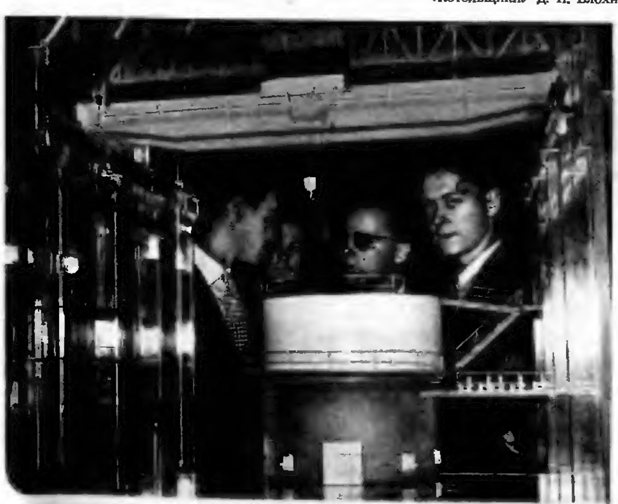

Заседание закончилось, но дискуссия продолжается.

Я вижу, что атомная энергия применяется в Советском Союзе в больших масштабах как в технике, так и в медицине. Я присутствовал на заседаниях, где читались доклады по реакторам, и я сказал, что на меня произвели большое впечатление высокий уровень и качество докладов советских коллег. Я думаю, что в будущем мы сможем встречаться чаще, чтобы наши общие усилия были направлены на благо народов.

Книга отзывов советской выставки хранит множество интересных записей. Ректор университета в Либерии Досуму Джонсон записал: «Великие нации оказываются еще более великими, когда они оказывают помощь менее развитым нациям. Я с большим восторгом отношусь к выдающимся изобретениям русских. Пусть дружба больших и малых наций процветает и крепнет».

В зале выставки Соединенных

В советском зале научно-технической выставки. Группа французских делегатов у модели тяжеловодородного реактора.

Штатов советские ученые К. В. Владимирский и Ф. Л. Шапиро осматривают стоканальный анализатор для измерения энергии ядерных излучений.

Конференция, по единодушному мнению ученых разных стран, положила конец секретности, тормозившей столь необходимый обмен опытом в области мирного использования атомной энергии.

Это выразил в беседе со мной член атомной комиссии США профессор Т. Джонсон:

— Мы все обнаружили, что сохраняли одни и те же секреты. Теперь надо признать, что не к чему хранить секреты такого рода.

Я записываю фамилию профессора. Он, улыбаясь, говорит:

— Джонсон — все равно что порусски Иванов.

Много было на конференции дружеских встреч и полезных научных бесед между советскими учеными и учеными стран народной демократии. Вот В. И. Векслер, теоретик и строитель «ядерной артиллерии» — гигантских синхрофазотронов, с помощью которых советские физики изучают строение вещества,— беседует с известным польским ученым, учеником и сотрудником покойного Альберта Эйнштейна, профессором Леопольдом Инфельдом, перед заключительным заседанием конференции.

«Котельщики» Д. И. Блохинцев и А. М. Вейнберг (США).

...Когда председательствующий доктор Баба прочел приветствие Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, в котором выражалась надежда, что конференция послужит делу мира и будет способствовать дальнейшему ослаблению международной напряженности, делегаты и гости, собравшиеся в зале Ассамблеи, встретили эти слова бурными аплодисментами.

Среди делегатов, покидающих зал, я вижу знаменитого датского физика Нильса Бора: его по праву называют патриархом атомной науки. Я прошу его сказать несколько слов читателям «Огонька».

— Мы все считаем,— сказал Нильс Бор,— что сделали большой шаг по пути сотрудничества в деле мира. Это сотрудничество нужно нам, ученым, чтобы отдать знания на пользу человечества.

Академик А. В. Палладин и председатель конференции доктор Х. Баба.

Оценивая работы советских ученых в области мирного использования атомной энергии, Нильс Бор сказал:

— На меня эти работы произвели очень большое впечатление. Вами проделана огромная работа. Интересно отметить, как совпадают результаты исследований в США и Советском Союзе.

Я считаю,— добавил Нильс Бор в заключение,— что война сейчас немыслима. Нам всем необходимо работать совместно для развития общих знаний, чтобы они служили миру и прогрессу. На этой конференции мы сделали большой шаг вперед в достижении наших общих идеалов.

* * *

Опустели залы Дворца наций. В память о закончившейся конференции на стенах галереи и Дворца будет высечена надпись о том, что здесь проходила первая научно-техническая конференция ученых 73 стран с целью совместного предоставления своих знаний на служение высшему благу человечества...

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька».

Нильс Бор (справа) и профессор Валлер из Швеции.

Глава Чехословацкой правительственной делегации председатель Национального собрания Чехословацкой Республики Зденек Фирлингер перерезает ленточку у входа на выставку.

Выставка достижений Чехословакии

Эмиль ШТЕФАН,
заместитель директора выставки

— Будьте любезны, скажите, что у вас на выставке самое интересное?

С этим вопросом часто обращаются к нам посетители только что открывшейся выставки «10 лет народно-демократической Чехословакии».

Обычно работники выставки отвечали, что самые интересные экспонаты находятся именно в их отделе. Но затем, как бы сговорившись, они давали один и тот же ответ:

— Самое интересное на нашей выставке — глубокое внимание, проявляемое советскими посетителями к достижениям чехословацкого народа, их доброжелательное отношение к нашей стране.

И действительно, для всех нас лучшим признанием является постоянно возрастающий интерес к выставке со стороны москвичей и приезжих со всех концов Советского Союза. Книги отзывов, размещенные по отдельным павильонам, сохранят дорогие свидетельства этого интереса.

Выставка «10 лет народно-демократической Чехословакии» показывает успехи чехословацкого народа в строительстве социализма. У меня на родине ее называют «Выставкой Благодарности». Это вполне отвечает тем намерениям и желаниям, которые были проявлены с чехословацкой стороны при подготовке выставки. Достаточно сказать, что подготовительной работой занимался особый правительственный комитет во главе с заместителем Премьер-Министра Вацлавом Копецким; выставке уделяли большое внимание ЦК Коммунистической партии Чехословакии и правительство республики.

Объемы выставки таковы, что пришлось расширять выставочную территорию в ЦПКиО имени Горького. К павильону промышленности и сельского хозяйства были сделаны две пристройки, воздвигнут новый двойной павильон — заводской клуб с Театром музыки — и павильон горного оборудования, а помимо того построено помещение для ресторана. Территория выставки заняла площадь в 16 гектаров. Более 100 вагонов строительных материалов и свыше 120 вагонов экспонатов доставлено в Москву в течение июля и августа.

Для строительства в Москву прибыло более 300 чехословацких специалистов: строителей, монтажников, конструкторов, художников и архитекторов. Руководил стройкой инженер-архитектор Франтишек Цубр, план экспозиции разработал Кндржих Сантар.

В павильонах демонстрируются экспонаты, которые показывают достижения Чехословакии во всех отраслях народного хозяйства и культуры за 10 лет со дня освобождения нашей страны Советской Армией. В павильоне культуры находится экспозиция чешской и словацкой периодической печати, книжных изданий и полиграфической промышленности. Здесь же представлены чехословацкое радио, кино, театр, музыка, изобразительное искусство, народная самодеятельность, просвещение, школы, наука, медицина и спорт. В павильоне промышленности и сельского хозяйства показано более 2 тысяч машин и приборов, изготовленных свыше чем 150 машиностроительными предприятиями Чехословакии. Посетители здесь с интересом осматривают портальный фрезерный станок весом в 35 тонн, радиальный фрезерный станок весом в 17 тонн, быстроходный токарный станок весом в 15 тонн, ультразвуковой генератор, электрическое часовое оборудование. В павильоне легкой промышленности и товаров народного потребления привлекают внимание малолитражные автомашины «Шкода 1200» и «Спартак». Большое количество машин демонстрируется в работе.

Народы Чехословакии глубоко благодарны Советскому правительству и Коммунистической партии Советского Союза, которые оказали всестороннюю поддержку в организации выставки.

Зал Центрального павильона выставки.

Фото Е. Умнова.

СОВЕТСКИЕ ТУРИСТЫ В ПОЛЬШЕ

Недавно Москву покинула группа советских туристов, отбывших в Польшу. На станции Брест туристы влились в праздничную толпу горожан, встречавших китайскую делегацию, возвращавшуюся с фестиваля из Варшавы. А на следующем перегоне поезд остановился рядом с составом, идущим из Берлина: в Москву ехали немецкие болельщики футбола.

Варшава встретила гостей со всем радушием. Кроме постоянных экскурсоводов, нашлась масса желающих показать свой город, объяснить, как куда пройти. Правда, среди добровольных гидов возникали постоянные разногласия: каждый считал, что в Варшаве самое интересное знает именно он. Особенно активны были, как это водится, ребятишки: они не спорили, они просто стайками ходили за советскими туристами.

Первые же дни пребывания в Варшаве, городе, еще живущем отголосками фестиваля, уже сумели открыть туристам облик страны — свободной, гостеприимной, веселой и поэтичной.

Гости восхищались новыми кварталами польской столицы, бродили аллеями парка Желязовой Воли, где родился Шопен, перед ними предстало могучее живописное искусство Яна Матейка.

Интересная деталь: в картинной галерее туристы увидели эскизы Дюрера и Кранаха Старшего к картинам, хранящимся в Дрезденской галерее. Москвичи встретились с ними, как с близкими знакомыми. Это было отличным выражением общения культур.

Покинув столицу, туристы отправились в Краков. Еще предстоит интересное путешествие по стране. Но каждый, кто только начал его, уже почувствовал, как сближает народы развитие международного туризма.

Краков.

Галина ШЕРГОВА

← Советские туристы в Кракове. На первом плане (слева направо): В. А. Кузьмина — служащая Московско-Рязанской железной дороги, Г. А. Фатеев — машинист метро, В. Н. Воробьева — изолировщица завода «Москабель», И. Г. Сидякин — слесарь фабрики имени Дзержинского, Т. П. Гришина — работник ЦК профсоюза работников авиационной промышленности, Е. Е. Волков — инженер Министерства путей сообщения.

Фото специального корреспондента «Огонька» А. Новикова.

ГОСТИ МОСКВЫ

Площадь у Белорусского вокзала в день приезда немецких туристов в Москву.

Пять дней провели в Москве 1 500 немецких туристов. Мы встречали их в метро, на улице Горького, в магазинах и на выставках, у Московского университета и, наконец, на стадионе «Динамо», где после первого гола, забитого в наши ворота, они дружно кричали: «Нох айн, нох» («Еще один, еще»), подбадривая таким образом своих соотечественников.

Среди этих 1 500 немцев были рабочие, чиновники различных ведомств, владельцы маленьких магазинов и крупных фирм, спортивные обозреватели, ученые и коммерсанты.

Только ли любовь к спорту привела их в Москву? Спортивный обозреватель из Гамбурга Вильгельм Вейман отвечает на этот вопрос отрицательно. Есть, по его мнению, нечто более важное, чем футбол. Желание увидеть Москву.

...Клаус Отт, владелец мебельного магазина в Саарбрюккене, не скрывает того, что он испытывал некоторые сомнения в связи с этой поездкой. Его брат и сестра были категорически против этой «рискованной», как они выражались, поездки.

— «Старый Клаус сошел с ума»,— говорят сейчас обо мне в моем доме,— рассказывает г-н Отт.— Все же я здесь, и вы, наверное, спросите о моих впечатлениях? — Не ожидая ответа, он продолжает: — Советский Союз — страна больших возможностей. Мы плохо знаем вашу страну, но мы, немцы, хотим знать ее лучше.

Наш разговор происходит на набережной Москвы-реки; отсюда немецкие туристы фотографируют Кремль. Послушаем еще одного гостя из Германской Федеральной Республики. Он оптик, зовут его Отто Кайзер. В Дюссельдорфе, если вы захотите заказать хорошие очки, вас обязательно пошлют к Отто Кайзеру. Ему шестьдесят пять лет, и сорок пять из них он «болеет» за немецкую футбольную команду. Пожалуй, не было ни одного крупного матча с участием сборной, который бы он пропустил. Отто Кайзер не мог, естественно, и на этот раз остаться дома. Футбол — именно та тема, на которую он готов говорить днем и ночью.

— Если вы не знаете Либриха,— произносит он горячо,— вы не знаете немецкого футбола. Знаете ли вы Либриха? — наступает на меня Отто Кайзер.— Либрих спас нашу команду в Швейцарии в прошлом году. Неужели вы ничего об этом не слышали?

Я спрашиваю о впечатлениях г-на Кайзера от пребывания в Москве. Он делает первые выводы: СССР достиг большого прогресса в строительстве и развитии путей сообщения — это раз. «Интурист» достаточно тактичен,— он, Кайзер, ходил куда хотел и смотрел то, что хотел,— это два. И, наконец, третье: русские женщины, по его глубокому убеждению, очень элегантны. Ему 65 лет, и он кое-что в этом понимает...

— Одним словом, вы не

Группа западногерманских журналистов на Ленинских горах.

Беспрерывно щелкали фотоаппараты.

Национальный праздник Румынии

23 августа румынский народ праздновал одиннадцатую годовщину освобождения своей родины от фашистского ига. В этот день в Бухаресте состоялся военный парад и многотысячная демонстрация. Трудящиеся Республики пришли к своему национальному празднику с большими достижениями в борьбе за преобразование страны, за строительство основ социализма. Прибытие на праздник Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева трудящиеся Румынии расценили как новое проявление крепнущей румыно-советской дружбы.

Н а с н и м к е: Прибытие Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза Н. С. Хрущева в Бухарест. Слева направо: Председатель Совета Министров Румынской Народной Республики Г. Георгиу-Деж, Н. С. Хрущев, Первый заместитель Председателя Совета Министров РНР Н. Кишиневский, посол СССР в Румынии А. А. Епишев, Председатель Президиума Великого Национального собрания РНР Петру Гроза.

Фото Аджерпресс

22 августа в Москву прибыла экономическая делегация Федеративной Народной Республики Югославии, возглавляемая заместителем председателя Союзного исполнительного веча Светозаром Вукмановичем-Темпо.

Н а с н и м к е: встреча на аэродроме. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Микоян беседует с Светозаром Вукмановичем-Темпо.

Фото А. Стужина (ТАСС).

Нынешним летом Москва радушно приветствует многочисленных гостей — и приезжих из союзных республик и посланцев зарубежных стран. Все они с интересом знакомятся с достопримечательностями столицы.

Н а с н и м к е: Делегация сельскохозяйственного комитета стортинга Норвегии встретилась с 147-летним колхозником Махмудом Эйвазовым, приехавшим погостить в столицу из Азербайджана.

Фото В. Кунова (ТАСС).

Делегаты Бирмингама в Свердловске

Свою речь на Свердловском аэродроме лорд-мэр английского города Бирмингама Артур Гибсон произносил, укрывшись под зонтом: Свердловск встретил англичан теплым летним дождем.

— Мы очень счастливы, что в Свердловске так же, как и в Бирмингаме, идет дождь,— пошутил Гибсон.

Делегация муниципального совета Бирмингама прилетела в Свердловск из Москвы, где знакомилась со столицей и была принята председателем исполкома Моссовета М. А. Ясновым.

Дружба между жителями двух крупных индустриальных городов Советского Союза и Англии — Свердловска и Бирмингама — началась еще в годы совместной борьбы с гитлеровскими захватчиками. В Свердловском облпрофсовете хранятся многочисленные послания бирмингамских борцов за мир. Одно из них, полученное в сентябре 1952 года, подписано руководителями четырнадцати профсоюзных организаций Бирмингама от имени семнадцати тысяч членов профсоюза.

И вот делегация Бирмингамского муниципалитета прибыла по приглашению Свердловского горсовета в Свердловск.

— Предложение посетить ваш город и наш приезд соответствуют новому духу после Женевы,— сказал возглавляющий делегацию лорд-мэр Артур Гибсон.

Английские гости вручили исполкому Свердловского городского Совета послания дружбы бирмингамцев и множество подарков от жителей Бирмингама.

Английские гости за время пребывания в Свердловске ознакомились с работой городского Совета, благоустройством и строительством города, посетили Уралмашзавод и другие крупные предприятия, побывали в институтах, театрах и школах, клубах, больницах, детских садах, непринужденно беседовали с советскими людьми.

Лорд-мэр А. Гибсон заявил корреспонденту «Огонька»:

— Мы думаем, что усилия, которые прилагают свердловчане по реконструкции города, по-настоящему отважны. Мы видели прогресс и успехи, которые здесь уже достигнуты.

А. ГРИГОРЬЕВ

Лорд-мэр Бирмингама Артур Гибсон с супругой в Свердловске.

Фото Ю. Добронравова.

Клаус Отт — владелец магазина.

жалеете, что совершили эту поездку? — спрашиваю я.

— Найн, найн, найн! — следует твердый ответ.

Через полчаса наши новые знакомые слушали в Актовом зале МГУ лекцию о высшем образовании в СССР. Они все единодушно выразили восхищение новым зданием и задавали много вопросов: какова стипендия у студентов, сколько стоит обед в студенческой столовой, обеспечиваются ли все выпускники работой, какие еще есть университеты в СССР, какой лучше, много ли студентов изучает немецкий язык?

Осмотр аудиторий еще далеко не был закончен, когда Вилли Шенфельд из Эр-

Отто Кайзер — оптик из Дюссельдорфа.

фурта вышел на улицу и позвал Вальтера Плятта. Они вышли. Мы последовали за ними, ибо уже знали, в чем дело. Речь шла о поручении, которое составляло предмет особой гордости рабочих Эрфурта. Коллектив завода «Рейнметалл» изготовил новую модель фотоаппарата с прекрасной оптикой и поручил токарю Шенфельду вручить этот подарок одному из лучших рабочих Москвы. Друзья отправились на завод «Красный пролетарий», где их уже ждали. Начальник цеха В. А. Селиверстов представил гостям слесаря Ивана Яковлевича Иванова. Ему и вручил Шенфельд подарок.

Мы вернулись в центр города вместе. У гостиницы как раз толпилась группа туристов с Востока и Запада Германии. Узнав, что Шенфельд и Плятт только что прибыли с московского завода, они окружили их.

— Передали свой подарок?

— О да,— отвечал Вилли.— Очень достойному человеку.

Пока немцы из Эрфурта отвечают на вопросы своих новых друзей из Германской Федеральной Республики, мы знакомимся с коммерсантом из Гамбурга фон Струшинским и его другом фабрикантом из Мюнхена Отто Кернером. Естественно, что беседа касается вопросов, связанных с перспективами торговли. Г-н Кернер говорит, что стремление коммерческих кругов Германской Федеральной Республики к восстановлению старых торговых связей с СССР ясно каждому и не нуждается в каких-либо доказательствах...

— У нас есть чем торговать,— говорит он.— И я убежден, что мы нужны друг другу как партнеры. Именно поэтому широкие коммерческие круги Германской Федеральной Республики от всей души приветствуют поездку канцлера Аденауэра в Москву. Мы приветствуем эту поездку и надеемся, что переговоры в Москве приведут к восстановлению дипломатических отношений между нашими странами, и это значит, будет сделан важный шаг для восстановления старых торговых связей.

Фон Струшинский полностью разделяет взгляды своего друга.

— Я из Гамбурга,— объясняет он.— А это, как известно, порт, который всегда остро нуждается в торговле с Востоком. Девяносто процентов торговых операций, которые вел Гамбург, приходились на Восток...

...После футбольного матча в воскресенье 21 августа автобусы медленно двигались по Ленинградскому шоссе. У светофора автобус с немецкими туристами оказался окруженным москвичами. Отто Кайзер протянул в окно руку, и ее пожали несколько рук.

— Ну, как Либрих? — спросил Отто Кайзер.

— Либрих — зеер гут! — послышалось сразу несколько голосов из толпы.

Отто Кайзер снова улыбается. Считает ли он сейчас свою поездку в Москву полезной? Так же, как в первый раз, следует твердый ответ:

— Да, да, да!

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Фото Дм. Бальтерманца.

В. Шенфельд и В. Плятт на заводе «Красный пролетарий». Второй слева — слесарь И. Я. Иванов.

Это хорошо!

Футбольные команды выстроились на поле.

В воскресенье, 21 августа, на центральном стадионе «Динамо» состоялся международный товарищеский матч по футболу между сборными командами Германской Федеральной Республики и Советского Союза. Необыкновенный матч, матч, в котором не могло быть проигравших, с каким бы счетом и чьей бы победой он ни закончился.

Это чувствовали все зрители, до отказа заполнившие вместительные трибуны стадиона. Никогда еще наш стадион не был столь многонационален. Здесь собрались гости разных частей света. Немцы из Германской Демократической Республики и Германской Федеральной Республики, в костюмах из легкой шерсти, в ярких спортивных джемперах, в рубашках, перекрещенных ремнями фотоаппаратов и биноклей, в непривычных нашему глазу коротких штанишках и тирольских шапочках; индийцы — многие в чалмах и национальных костюмах; аравийцы в просторных одеждах белее снега; китайцы, перекинувшие через руку синие форменные куртки; величавые темнолицые сирийцы, светловолосые поляки, англичане, корейцы, американцы — многие народы были представлены здесь своими «болельщиками». Н едва ли можно было найти на стадионе человека, который бы не чувствовал, что присутствует при чем-то очень хорошем, очень правильном, очень значительном.

И когда капитаны советской и немецкой команд в крепком и долгом рукопожатии соединили свои руки, этот обычный жест спортивной вежливости обрел значение символа. Получив от наших футболистов букеты, немецкие спортсмены побежали к трибунам, чтобы передать цветы зрителям: они не просто кинули их в толпу, как это обычно делается, они разбирали большие букеты на маленькие и вручали их из рук в руки нашим женщинам, девушкам, детям, придав традиции какую-то особенно теплую сердечность.

Вратарь советской команды Л. Яшин беседует с Ф. Геркенратом и Ф. Вальтером.

Общий вид стадиона «Динамо» во время встречи сборных команд Германской Федеральной Республики и Советского Союза.

В. Либрих и Н. Паршин в борьбе за мяч.

...Вот разыгрывает грозную комбинацию отличная тройка немецких нападающих: Ф. Вальтер, М. Морлок, Г. Шеффер. Мяч неудержимо приближается к нашим воротам, и в радостной надежде пожилая супружеская чета немцев из Германской Федеральной Республики подбадривает своих: он что есть силы дует в рожок, она самозабвенно крутит трещотку. Следует сильная передача на правый край Гельмуту Рану для завершающего удара, к рожку пожилого немца присоединяются десятки «иерихонских» труб, но мяч, пробитый Раном, парирует М. Огоньков. Вот мяч уже на другой половине поля, и острая схватка заканчивается неожиданным голом в ворота немцев. Что же пожилая чета? Огорчена, сникла? Ничуть не бывало! Она яростно аплодирует вместе со всем стадионом. И это очень хорошо!

Так же хорошо, как аплодисменты и восторженные выкрики наших зрителей, от души приветствовавших великолепные выходы на мяч и броски молодого вратаря Ф. Геркенрата, ставшего любимцем москвичей, виртуозную, самоотверженную игру центрального защитника Вернера Либриха, острейшие выходы капитана немцев Фрица Вальтера. Так же хорошо, как взлетевшие ввысь сотни флажков с портретом Вильгельма Пика, которыми немцы из ГДР замахали в воздухе, когда крайний нападающий Ганс Шеффер забил свой удивительный по красоте гол.

Все это на трибунах, а что же происходило на поле?

Прежде всего чувствовалось, что соперники испытывают величайшее уважение к мастерству, мужеству и силе друг друга. Это определило весь ход и строй игры. Тут не было взаимных поблажек, вольных или невольных амнистий. Мы видели футбол самого высокого класса. Москвичи наблюдали за командой, умеющей атаковать широким фронтом, изобретательно защищаться, а главное, вести длительную борьбу в высоком темпе. Другими словами, сборная команда Германской Федеральной Республики, чемпион мира,— действительно первоклассный ансамбль футболистов.

Уже в первую четверть часа игры можно было поставить «диагноз матча»: упорная борьба с крайним напряжением сил. Обе команды стараются показать все многообразие футбольного искусства. Одной техники владения мячом, пусть и самой виртуозной, в данном случае было недостаточно. На весы победы нужно было положить ловкость, быстроту, силу, выносливость, нервы, волю, мы бы сказали, самоотверженную влюбленность в футбол.

Внимательные зрители могли заметить, что, помимо одной, большой коллективной борьбы, на поле возникало множество поединков, среди которых обращали на себя внимание резкие, короткие схватки Ю. Посипала с Б. Татушиным, Г. Рана с М. Огоньковым, а также двух капитанов: Н. Нетто и Ф. Вальтера.

Одни из немецких журналистов, напутствуя свою команду перед поездкой в СССР, сказал: «Итак, предстоит трудная игра. Столь же трудная, как выигрыш первенства мира».

Он не ошибся.

Условия встречи во многом походили на финальный матч чемпионата мира год назад в Берне. То же равенство сил, тот же судья — англичанин В. Линг, и даже тот же ливень перед матчем, сделавший поле скользким. Только московская трава не походила на траву бернского стадиона. Но и это «разноречие» было ликвидировано: по просьбе чемпионов мира трава была подстрижена.

В каждом футбольном матче всегда бывают минуты, в которые решается судьба соревнования. Были они и в этой встрече. Когда немцы повели 2:1, на поле наступило какое-то странное затишье. Казалось, игра потеряла форму, а игроки советской сборной растерялись и утратили присущую ей сыгранность. И вдруг ход матча резко изменился. Начался внезапный штурм ворот немецкой команды.

Это было исключительно красивое зрелище. Фланговые атаки Б. Татушина и А. Ильина, сильные, «кинжальные» передачи Н. Паршину на штрафную площадку, хитроумные маневры С. Сальникова, серия угловых ударов — все это ошеломило гостей.

Чемпионы мира стойко защищались. Героем оборонительных действий, организатором их был Вернер Либрих — великолепный мастер футбола. Он ни в чем не уступал англичанину Биллу Райту, которого мы недавно видели на этом же стадионе, а в умении перехватывать мячи, летящие в пределах штрафной площадки, даже превосходил его. Кто-то из немецких туристов назвал его «комендантом штрафной площадки». Однако мастерство Либриха, как и его друзей Ю. Посипала и Э. Юсковиака, не смогло сдержать натиска москвичей. Штурм крепчал с каждой минутой. Защитники германской команды незаметно для себя постепенно отступали к своим воротам, где «не покладая рук» работал вратарь Ф. Геркенрат. Но и его искусство и бдительность не спасли команду. Сначала А. Масленкин уравнял счет, а затем удар А. Ильина принес победу сборной команде СССР.

Судья Линг дает протяжный свисток. Игра закончена. Сборная команда СССР выиграла у чемпиона мира. Победители и побежденные жали друг другу руки, хлопали по плечам, как люди, очень довольные взаимной проверкой, довольные тем, что дали друг другу возможность показать себя с лучшей стороны, и решившие свой добрый спор по чести и справедливости. И это тоже очень хорошо: мир стал богаче дружбой.

М. МЕРЖАНОВ,
Ю. НАГИБИН

На стадионе было много немецких гостей.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Бочинина, Я. Рюмкина.

Каждый по-своему выражает свои чувства.

Бухта незабываемых дней

Вл. РУДИМ

Фото Е. Тиханова.

На многие километры тянется в этих краях спокойная гладь водохранилищ. Берега извилисты, покрыты сосновыми борами и березовыми рощами. Романтикой летних походов веет от тихих бухт — Зеленая гавань, Рыбачий залив, Бухта живой воды; от ласковых имен речушек — Серебрянка, Пчелка, Вязь...

Чудесные подмосковные места! В одном из таких мест, на берегу Пестовского водохранилища, отдыхают учащиеся старших классов 46-й школы Фрунзенского района Москвы. Маленький залив, на берегу которого разбит палаточный городок, назван ребятами по-своему: Бухта незабываемых дней.

Все сооружения лагеря, легкие и в то же время прочные, на виду: около двух десятков палаток, вещевой и продовольственный склады, кухня, столовая, метеостанция, клуб... Далеко окрест разносятся звонкие ребячьи голоса. Здесь с увлечением занимаются делами, не совсем обычными для детского лагеря: вот мастерская под железным навесом, где мальчишки что-то мастерят; девочки на огороде пропалывают кукурузу.

В этом лагере школьники не только хорошо отдыхают, занимаются спортом, участвуют в походах, но и трудятся в меру своих сил и способностей, приучаются к самостоятельности, сами вершат все лагерные дела.

...Под радостные возгласы грузовик выкатил из лесной чащи на поляну и остановился, уткнувшись носом в усыпанную белым цветом дикую яблоню, словно принюхиваясь к незнакомому аромату. Трудный путь по заболоченной лесной дороге остался позади. Переезд в общем прошел вполне успешно, если не считать отлетевших у будильника стрелок.

Дружно разгружалось имущество: тюки, матрацы, баки, кирпичи, топоры, ведра, доски, лопаты.

На поляне застучали молотки, завизжали пилы. Мальчики вгоняли колья в землю для палаток, а кукушка считала удары... Девочки взяли на себя заботу о еде, вырыли «гнездо» для костра, отправились в лес за сухими ветками.

Сколько заманчивого оказалось в этом для юных горожан: варить на костре, а самое главное — самостоятельно! Правда, на третий день приехала повар-инструктор Зинаида Борисовна Алтынова, но ведь она только присматривает, а ребята — и девочки и мальчики — все готовят сами, по очереди. И пока пылал костер, рядом росла большая кирпичная печь. Клали ее Инна Юсфина, Слава Крупчанский, Игорь Кустов и Николай Тягунов. Стаж у печников совсем невелик — всего три дня, но под руководством Георгия Максимовича Овсянникова — преподавателя математики — работа спорится.

Руки в глине, фартуки тоже, а глаза сияют: шутка ли — настоящую печь строят!

После того как она была готова и густо задымила, словно пароход, стремящийся вырваться на простор водохранилища, мы познакомились с юными поварами, которые хозяйничали на кухне. Таня Панюшкина энергично потрошила курицу и делилась впечатлениями с Олей Подольской:

— Мама мне еще не разрешала возиться с курицей.

— А я, признаться, редко бралась за нож дома, — отвечает Оля, сосредоточенно дочищая картофелину.

На подмогу дневальным подходят Элла Кузнецова и Виталий Кузнецов — случайные однофамильцы и, как говорят, друзья по несчастью: получили от дежурного по лагерю Валентина Рыкова наряд вне очереди. Элла — за то, что поленилась таскать еловые ветки, а Виталий — за то, что оставил в лесу топор.

Неподалеку раздалось восклицание Саши Бодрова:

— А бензин все-таки невкусный! Вот сахар — другое дело.

Саша вместе со своими друзьями Женей Ереминым и Володей Клосепом строит лагерную электростанцию. У них уже готовы навес и одна стена из досок, отремонтированы и заправлены бензином движки, при этом Саше пришлось отведать бензин на вкус. Ну и хлопот было с ремонтом движков! То одного не хватало, то другого. Хорошо еще, что родители помогли достать самое главное — поршень (о нем позаботилась Александра Павловна — сашина мама).

Всю ночь на палатки сыпались мелкие горошины дождя. И утром продолжалось то же самое. Кому охота в такую погоду подниматься! Но вставать все же надо. Галя Резниченко первой выглянула из палатки, холодные капли упали на нос, девочка поморщилась, ей захотелось тут же спрятаться, но она преодолела это желание, выскочила из палатки и крикнула подружкам:

— Девочки! Погода дрянная, настроение бодрое, скорей на зарядку!

И теперь уже дождь не мог ничему помешать. Позавтракали под соснами — и за дело. Сбросив тапочки, — все равно через десять минут промокнут, — мальчики и девочки таскали дрова для костра под навесом, где сушились майки и ботинки, колотили молотками в мастерской, ремонтировали лодки. В одной палатке девочки шили фартуки и колпаки для поваров, в другой собралась группа, возвратившаяся из похода под Подольск: ребята переписывали дневники, делились впечатлениями об археологических раскопках, в которых сами приняли участие и заработали деньги для путешествия по каналу имени Москвы и «Московскому морю».

К обеду небо заголубело. А после обеда и отдыха все направились к пристани: объявлен тренировочный выезд на лодках и байдарках. Начальник пристани Гена Булгаков хозяйским взором окидывает лагерный флот.

Кажется, все в порядке: весла в исправности, спасательные круги — надутые камеры автомашин — лежат на кормах. Молодцы ребята! Впрочем, это и не удивительно: ведь они уже успели во время учебного года закончить курсы матросов и рулевых.

Гена знает до мельчайших подробностей «биографию» каждой лодки. Вот те три, кажущиеся почти совсем новенькими, еще два месяца назад были «настоящими гробами», как говорит Гена. Как же они попали сюда? Проведали школьники, что в Лужниках ликвидируется судоверфь, сходили туда, но без результата: за лодки была запрошена большая цена. Тогда решились на другое: добрались до министра З. А. Шашкова, и он распорядился отдать лодки бесплатно. Юные энтузиасты сами их отремонтировали еще в школе и доставили из Москвы к водохранилищу на веслах; двое суток плыли.

Пристань, пожалуй, самое оживленное место в лагере. Утром все бегут сюда умываться, затем дневальные втаскивают на дежурную лодку большой бак и плывут подальше от берега за водой для кухни, потом парусник берет курс на деревню Тишково — за газетами, письмами и хлебом; ребята по очереди управляют парусами. После таких занятий кто-нибудь обязательно похвастается перед девочкой.

— А ты знаешь, как вяжется стаксель-фал? Смотри сюда — я тебя научу.

...Трава на лужайке густая и свежая. А в траве рассыпаны желтые пуговки одуванчиков. По одну сторону сосны с шелушащимися, будто обгоревшими на солнце стволами, по другую — молодые зеленоствольные осинки. Так выглядит «зал заседаний» совета лагеря, который вершит всеми лагерными делами, отчитываясь перед общим собранием.

К шести на заседание собираются все члены совета.

Вот Рита Поспелова — она заведует продовольственным складом, вот Сергей Черепахин — командир группы, удобно устроились возле куста боярышника физорг Галя Резниченко и начальник клуба Валя Сычук. Если говорить о должностях, то здесь и начальник пристани, и завхоз по имуществу, и бухгалтер столовой, которому еще нет и шестнадцати. Конечно, на заседании совета присутствуют начальник лагеря Евгений Георгиевич Рябов и педагог Евгения Владимировна Шолохова, но они редко берут слово: актив уже имеет достаточный опыт, чтобы самостоятельно решать самые сложные вопросы.

Казначей лагеря Джана Новицкая докладывает о расходовании денег. В руках у нее пухлая тетрадка, в которую вложены счета магазинов, баз, различные акты. Куплено много: медикаменты, семена для огорода, краски, ведра, котлы, бензин, заплачено за перевозку движка...

Деньги на все это отпустили школа и районо, дали родители, но ребята добавляют время от времени и собственные суммы, заработанные коллективно: на археологических раскопках, в колхозе.

— Акт за перевозку движка оформлен? — спрашивают Джану.

— Конечно. Вот! — Джана показывает акт, под которым, как и полагается, видны три подписи.

Отчет назначея утвержден быстро. «Без канители!» — раздаются голоса. Но что было потом, когда зашла речь о стирке! Тут страсти разгорелись вовсю, посыпались предложения: стирать всем; нет, только девочкам; создать бригаду из мальчиков и девочек; а может, пусть каждый сам стирает? После шумных споров, с которыми едва справлялся председатель совета Илья Михайлов, сошлись на следующем: создать в каждой группе бригаду стирки из мальчиков и девочек.

Потом совет слушает заявление двенадцати учеников 124-й школы: «Примите и нас к себе, так как в нашей школе лагеря такого типа нет. Если примете, оставим вам пять своих лодок. А питание и все остальное хозяйство у нас будет отдельным».

Реакция собравшихся была мгновенной и единодушной: индивидуалистов нам не надо, а лодками нас не соблазните!

Просителям ничего не остается, как безоговорочно согласиться на условие: со всеми во всем быть вместе, подчиняться уставу лагеря.

Вечереет. Солнечные лучи прошили лес и, запутавшись в густо чаще, гаснут.

Линейка выстраивается уже сумерках. Командиры групп сдаю рапорт дежурному Виталию Веденину. Пока командир докладывает группа стоит смирно, не шелохнувшись. Но вот звучит команд «вольно», и в ту же секунду раздаются звонкие шлепки десятко рук — по комарам, успевшим основательно впиться в тело.

Освещая свои записи фонариком дежурный подводит итоги дня объявляет благодарность Вере — она усердно рыла погреб, Тамаре — она отличилась на кухне, Степе — за то, что подобрал на лесной дороге доску, а Васе — наряд вне очереди на завтра: «он филонил и н выполнил задания».

— Еще случилось у нас сегодн чрезвычайное происшествие, — говорит Виталий. — В кустах найден пачка папирос. Кто ее запрятал?

Молчание.

— Значит, среди нас есть трус лывый, который боится честно сознаться, — констатирует Веденин

Минута тягостного молчания, и вот на левом фланге раздается сдержанное:

— Мои папиросы. Только я еще не курю. И не буду теперь курить

Что ж, надо поверить парню и его заявление принять к сведению

Наконец дежурный, весь день обладавший самыми большими правами, уступает свое место другому и идет в строй рядовым членом лагерного коллектива.

...Сегодня четвертая группа отправляется в волжский поход. До Ульяновска — поездом, оттуда — вни по реке на пароходе до Волго-Донского канала. Дежурный провери схему и карту похода, снаряжени и вручил командиру маршрутный лист.

— Поход разрешаю. Счастливог пути!

А те, кто уже возвратился из похода, сортируют гербарии, проявляют фотопленки. И, конечно, пишут письма домой: в походе было не до писем. Шустрый, веснушчатый парнишка разрешил заглянуть в его письмо. Оно состояло всего из трех строчек: «Здравствуйте, дорогие папа и мама! Я жив, здоров и невредим. Дел много, дисциплина крепкая. Толя».

Кажется, что совсем недавно был подъем, а вот уже и вечер. Как быстро прошел день!

На линейке объявлен состав ночного наряда. Тамаре Давыдовой и Тане Панюшкиной дежурить с трех часов ночи до пяти утра. Не хочется вылезать из-под байки, согретой теплом своего тела, минутку — другую сон еще одолевает, но вот глаза уже «проснулись», и дежурные осторожно покинули палатку, чтоб не разбудить остальных.

Вокруг тихо-тихо, только деревья шумят: сосны — высоко, спокойно, а осины — над самой головой и дробно-дробно. Где-то неподалеку прозвучала флейта иволги. Птица подарила девочкам свою первую утреннюю песню.

Таня и Тамара подбросили в костер веток, обошли территорию лагеря. Небо над противоположным берегом водохранилища светлеет, вот-вот покажется солнце.

— Танечка,— взволнованно говорит Тамара, — ты видела когда-нибудь, как солнце всходит? Нет? И я тоже. Значит, сейчас мы первый раз в жизни увидим восход!

Взявшись за руки, подруги смотрят туда, где через несколько секунд поднимется солнце. И вот оно показалось — чистое, щедрое и такое, что на него в эту минуту еще можно смотреть прямо, как в глаза друга. Чайка вскрикнула, приветствуя солнце; в его лучах зажглись на стволах сосен смоляные капельки, засветились на берегу шарики одуванчиков, словно это были электрические лампочки. И все, все стало сразу ярче, теплее, красивее.

Разве можно когда-нибудь забыть этот рассвет!

Не забудутся и веселый треск сосновых сучьев в костре, и первый самостоятельно приготовленный обед, и «трудовое крещение» на кладке печи, и напряженная схватка с ветром на паруснике, и первый ствол дерева, обтесанный еще неумелыми ударами топора!..

С тобой всегда будет сладковатый аромат сеновалов, на которых ночевал во время походов, и работы на колхозном току, прохлада родниковой воды, выпитой из зеленого ковшика лесного лопуха.

В лагере выросли твои силы и умение. И если в тебе было мало самостоятельности и ты легко поддавался любым течениям, как лодка без весел, то теперь уже твердо уверен в своих силах.

Так выглядел лагерь в первый день.

Палаточный городок готов, теперь можно заняться и цветами.

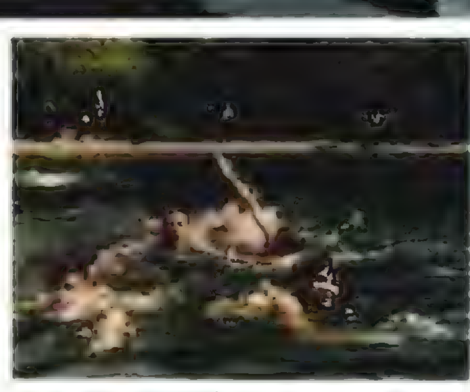

Почта доставлена в лагерь на яхте

«Огонек». 1955.

Воды в этой «прачечной» сколько угодно.

Шумно в тихой бухте во время купания.

Ребята! Тащите скорее дрова — картошка уже начищена.

После ужина на волейбольных площадках разгорелись спортивные страсти.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Рассказ

Виталий **ВАСИЛЕВСКИЙ**

Рисунки И. Гринштейна.

1

На окраине Синегорска есть Тихая улица. Она не велика: всего три одноэтажных дома стоят вдоль заросшей лопухами канавы. Правее тянутся приземистые старинные, сложенные из красного кирпича торговые склады; раньше это были склады купца Хлынова, а теперь Облпотребсоюза. За складами лежит пустырь с коническими грудами шлака и мусора; в лунные ночи можно увидеть, как тощие, взъерошенные крысы собираются сюда вылизывать консервные банки, а где живут крысы днем, неизвестно.

Между булыжной мостовою и железнодорожной насыпью простирается болотистый лужок, ядовито-зеленый весною и коричнево-грязный остальные времена года.

Живут на Тихой улице семьи Батуриных, Живцовых и Тиуновых.

Семен Георгиевич Батурин, бывший ответственный деятель Облсельхозуправления, работает теперь на периферии директором Островишенского совхоза. Семья у него маленькая: супруга Мария Тихоновна, стареющая красавица, и дочь Ксения, ученица девятого класса.

Соседа его, Владимира Яковлевича Живцова, тоже прошлой весною перебросили в деревню — назначили директором МТС. Живцовы бездетны. Агния Сергеевна Живцова осталась в городе, она преподаватель музыкального училища.

Хозяин крайнего домика, Иван Савельевич Тиунов, никуда уезжать не собирается; он токарь. Тиунов давно уже вышел, как он говорит, «на полный государственный пенсион», но работу не бросает, преподает в ремесленном... Иван Савельевич вдов, с ним проживает незамужняя, средних лет дочь Виола, Виолетта Ивановна. Целый день она сидит у окна и жует, и, вероятно, жует что-то необыкновенно вкусное, потому что на ее белом лице блуждает счастливая улыбка.

Дочерью Иван Тиунов недоволен и выражается о ней кратко, но определенно:

— Млекопитающееся!..

При разговоре с соседями Виола старается как можно громче смеяться. Каждый год Тиунов отводит ее за руку, как первоклассницу в школу, в город и определяет на службу в какое-либо учреждение. Через две недели Виола увольняется по собственному желанию и опять сидит у окна.

Все дома здесь некрашеные, потемневшие от дождей и дорожной пыли, и производят скучное впечатление. Но ощущение скуки возникает в случайном прохожем, вероятно, не только из-за внешнего вида домов, а потому, что на Тихой улице нет детей; даже летом в садиках, около щеголевато нарядных цветочных клумб, не слышится ни шаловливого визга, ни неудержимо заливчатого смеха...

Всю неделю на улице тихо, лишь у торговых складов гудят грузовики, да каждые пятнадцать минут по насыпи проносятся товарные и пассажирские поезда, но этот отдаленный аккомпанемент придает тишине, как в оркестре — солирующей скрипке, особую, щемящую певучесть.

В субботу рано утром на улицу в клубах пыли врываются один за другим два «газика»; из фанерных кабинок, похожих на киоски для продажи мороженого, вылезают Живцов и Батурин. Они отряхиваются, отфыркиваются и говорят шоферам: «Значит, до понедельника, Миша» или «Как всегда, в понедельник, Петя» — и, гремя брезентовыми, словно тоже из фанеры сколоченными плащами, всходят на крыльцо своих домиков.

Виола в этот момент жует еще быстрее, чем обычно, но Живцов и Батурин не обращают на нее внимания.

После завтрака Семен Георгиевич и Владимир Яковлевич отправляются в баню. В домах есть ванны, но они любят париться, а вернувшись оттуда, лоснящиеся, как бы отлакированные, развивают бурную деятельность.

Семен Георгиевич в пижаме ложится ничком на кушетку, снимает телефонную трубку и мурлыкающим, вкрадчивым, кошачьим, как казалось его дочери, голоском начинает убеждать невидимых собеседников:

— Десять тонн цемента... Можешь, можешь, Захар Григорьевич, уж я-то знаю, можешь... Как же я-то ухитрялся... помимо фондов, Василий Федорович, Ва-а-аася, Васенька, ведь всего полтора километра кабеля! Был хоть один случай, скажи, как честный человек, когда я тебя не выручал?

Повесив трубку, Семен Георгиевич с довольным видом потирал пухлые ладошки и говорил самому себе:

— Выгорело!..

Бисерным кудрявым почерком он заносил в блокнотик: «10 тн., 1,5 км.».

Но иногда, вспылив, Семен Георгиевич принимался кричать, и телефонная трубка трепыхалась в его руке, как выхваченный удочкой из воды окунь:

— Забыл, как тебя спасал?!. А-аа, забыл! Память короткая! Охамели, власть почуяли!..

В таких случаях Батурин, шаркая туфлями, отправлялся на кухню и жаловался хлопотавшей у плиты жене:

— Нет хуже кланяться бывшим подчиненным!

У Живцова на этот счет была совсем иная тактика: отлежавшись после бани, он пешком обходил учреждения областного масштаба. «Знаю я личных секретарш,— говорил он знакомым.— У самого была Люся Ефимовна, такой цербер, по голосу, понимаешь, узнавала, кому нужно гвоздей, кому — цемента».

Обедал Живцов у Батуриных: Агния Сергеевна брезговала кухонной суетней и питалась в школьной столовке; и обедали долго, под большую водку, с удовольствием предаваясь воспоминаниям: «Валуйкина я так и прихлопнул разнарядкой, не пикнув, подписал!», «Рахман категорически заверил — три вагона».

Затем Владимир Яковлевич уходил домой отдохнуть с часок, а Батурин со сладостными стонами заваливался на кушетку... Вечером сражались в преферанс; партнершей приглашали Марию Тихоновну, а Живцова если и приходила, то сидела в стороне и вышивала «болгарским крестом» какой уж год одну и ту же скатерть, насмешливо прислушиваясь к возгласам: «Без трех», «Опять один марьяж!».

А на рассвете в понедельник зычно горланили гудки «газиков» на улице, Батурин и Живцов, мрачные, невыспавшиеся, натягивали плащи, вбивали ноги в сапоги-«грязедавы» («у нас асфальта ведь нету!»), целовали домочадцев и уносились на всю неделю.

2

Как-то в мае Мария Тихоновна поднялась в мезонин, где жила Ксения. На столике, среди беспорядочно разбросанных учебников, рядом с букетиком подснежников, опущенным в граненый стакан, лежала раскрытая тетрадка.

Нагнувшись, прищурив близорукие глаза, Мария Тихоновна прочитала:

«...Хочу уехать за пределы Синегорской области, как то: Москва, Ленинград, Владивосток, Китай. Уехать, жить в уединении, многое испытать. Научиться ездить на автомобиле, на мотоцикле. Быть хорошей спортсменкой. Бороться с несправедливостью, не избегать страданий. За оскорбление — мстить!..

Хочу гордиться отцом!»

У Марии Тихоновны появилось именно то чувство, какое она уже однажды испытала, впервые увидев море... Вот училась, ходила на службу, а моря-то в жизни и не было... Вышла замуж, перестала ходить на службу, родилась Ксения, а моря не было... Переезжали из города в город, у мужа были в тридцать седьмом году неприятности, а море...

Опустившись в кресло, она машинально взглянула на фотографию трехлетней Ксении в бронзовой рамке. Пухлая курносая девочка с огромным белым бантом на затылке была необычайно добродушна и мила.

«Да, тогда было лучше всего»,— бессильно подумала Мария Тихоновна.

Теперь курносость у Ксении куда-то исчезла, лоб сформировался прекрасно: большой, очень выпуклый, чистый. Да и вообще грех жаловаться: дочь послушна, учится отлично, но все чаще и чаще в глазенках Ксении что-то на миг сверкает, словно отблеск молнии в ночном окне.

Мария Тихоновна так глубоко задумалась, что не услышала, как в комнату вбежала, запыхавшись, Ксения.

Переводя взгляд с раскрытой тетрадки на расстроенную мать, она вспыхнула:

— Читаешь дневник, очень кр-расиво!..

— А ты не расшвыривай, если нельзя читать! — только и смогла ответить Мария Тихоновна.

— Я предполагала, что живу с порядочными людьми!

— Ксения, что ты говоришь?! — воскликнула мать.

Схватив тетрадку, Ксения разорвала ее пополам, потом еще пополам, губы ее тряслись; бумагу она терзала, словно выскочившую из-за угла крысу душила, и матери показалось, что сейчас, сию минуту дочь расплачется и

бросится в ее объятия, как всегда бывало в детстве.

Однако Ксения не зарыдала, а держа на вытянутых ладонях обрывки, твердым шагом направилась к дверям, сбежала вниз и, вернувшись вскоре без бумажек, сказала:

— Знаешь, мама, многое мне не нравится. Не говорю о чтении дневника, надеюсь, ты сама не станешь отрицать, что это непристойно!..

— Ксения, Ксения! — беспомощно прошептала Мария Тихоновна.

— А вообще что у нас делается? Читала, надеюсь, газету?

— Зачем мне ее читать? — не поняла Мария Тихоновна.

— Поинтересуйся!

И Ксения вынула из кармашка школьного передника аккуратно сложенный номер «Синегорского рабочего».

В фельетоне под названием «Кочевники» хлестко высмеивались те переброшенные в деревню лица, которые «кочуют» между городскими квартирами и служебными кабинетами на периферии. С ужасом Мария Тихоновна увидела фамилии мужа, Живцова и еще кое-кого из знакомых.

— Что ж теперь будет? — Мария Тихоновна растерялась.

— Вот именно, что теперь будет?!. А разве вам не ясно было, что только так все и кончится? Кого ты сторожишь в городе? Меня? — воинственно произнесла Ксения, упрямо выпятив нижнюю, очень румяную губу.

— В совхозе нет средней школы,— напомнила заботливым тоном мать.

— Значит, я останусь в Синегорске.

— Одна?

— Одна.

— Ты не понимаешь, что говоришь! — Вскочив, Мария Тихоновна опрокинула локтем стакан с подснежниками; извилистая струйка потекла по столу; мать и дочь не заметили этого.— Ксения, ты ребенок!..

— Гм!..— послышалось в ответ.

— Как ты смеешь судить отца, меня, наконец? Ведь мы всю жизнь бродяжим, пойми!.. Когда тебе девять месяцев было, отца назначили в Кривоколенск, в Сибирь. Зимой я ехала с тобою четыреста километров в кабине грузовика. Закутала в тулуп, прижала к груди... А в кузове бочки с горючим гремят! Потом Урал, Нижняя Тура, Карабаш! Заволжье! Арзамас!

Дочь, заложив руки за спину, слушала ее, не шелохнувшись.

— Бугуруслан! — с искаженным лицом выкрикивала, подступая к ней, Мария Тихоновна.— Твой отец — ответственный работник! Не безответственный, а ответственный!.. Мне надоели чужие матрацы, чужие — хозяйские — стулья, чужие занавески! Я устала... И, пойми, мы стареем. И отец и я. Да, «кочевники»!.. Это не смешно, а, если хочешь, трагично! Ты не можешь это вообразить, но пойми! Сибирь, четыреста километров...

— Какая ты счастливая, мама! — вырвалось у Ксении.

За окном горласто запел автомобильный гудок.

Отодвинув занавеску, Ксения удивленно сказала:

— Отец!.. Разве суббота?

— Пятница.

— Значит, о фельетоне узнал. Я встречу.

Тем временем струйка воды на столе, медленно огибая книги, добралась до края и вытянулась шуршащей ниткой стекляруса к полу.

Обернувшись на ее журчание, Мария Тихоновна ахнула: «Тряпку!» Хлопотня отвлекала ее от раздумий, и Семена Георгиевича она встретила, правда, не на крыльце, как обычно, а в прихожей, уже со спокойными, хотя и покрасневшими глазами.

— Что с тобою?— встревожился Батурин.

— Примус! — И она помогла мужу стянуть громыхающий плащ.

Сквозь пыль, сквозь проступившую за неделю сева усталость на его морщинистом лице Мария Тихоновна впервые с раздражением подметила в муже назойливую суетливость: то он приподнимался на цыпочках, жалуясь, что опять не хватило подшипников, то, потирая отвислые щеки, горевал, что Васенька из какого-то «снаба» отбыл в отпуск, а значит, с шифером дело не сладится...

— Хотел бы я знать, как в подобной ситуации не станешь «кочевником»! — воскликнул дрожащим голосом Семен Георгиевич, с трудом вылезая из огромных «грязедавов».

— Да успокойся, мало, что ли, тебя критиковали!

— Ну, милая, так... так!..— Он не договорил, замотал головою и поплелся в столовую.

Тотчас Семен Георгиевич вернулся, держа в руках шлепанцы, и с яростью добавил:

— Были, конечно, и резкие выступления в порядке критики и самокритики, но ведь здесь нет и тени уважения!.. А? Ты заметила?

— Заметила, заметила. Да успокойся ты!

Батурин отказался от завтрака, не пошел в баню, а с привычным кряхтением повалился на кушетку и протянул руку к телефонной трубке.

В течение получаса он неизменно натыкался на вежливые, но непреклонные отказы. А кто-то из былых друзей с ехидцей осведомился:

— Ты откуда говоришь, из квартиры? Что, на паркете решил кукурузу сеять?

— Да, на паркете! — возмутившись, гаркнул Семен Георгиевич.— И квадраты не надо делать: столяры позаботились!

Повесив трубку, он спустил ноги в клетчатых носках с кушетки и внезапно увидел Ксению. Дочь в коричневом платье, в белом переднике стояла перед ним с тем смиренно-почтительным видом, какой возникает у шаловливых школьниц при внезапном появлении директора.

— Уходишь, что ли?

— Папа,— негромко спросила Ксения, и страдальческая складочка прорезалась на ее переносице.— Ты хорошо, честно поступаешь, когда вот так... по телефону?

— Пожалуйста, не путайся в чужие дела! — тяжело задышав, попросил ее ровным голосом Семен Георгиевич.— Занимайся своими Каролингами и Меровингами!..

— Да я ими уже перестала заниматься! Это плюсквам-перфектум — давно прошедшее! — разочарованно повела плечом Ксения и ушла.

Семен Георгиевич поддернул пижамные штаны и засеменил на кухню. Увидев разгоряченную жаром плиты жену, втянув ноздрями наваристый запах борща, он на мгновение поверил, что ничего в жизни не изменилось. Но это чувство сразу улетучилось.

— Слушай, она... она презирает меня! — запинаясь, сказал он.

— Переходный возраст! — успокоила его, как смогла, Мария Тихоновна.

— Кой черт, переходный возраст! — рассвирепел Семен Георгиевич.— Отца-то надо бы всегда уважать!.. Чего она о себе вообразила?

— Она говорит, что я должна уехать в совхоз. Навсегда, конечно.

— Позволь, у нас же пока семилетка! — По привычке Семен Георгиевич слово «я» в устах жены понимал так: «я и Ксения».

— Она решила остаться в Синегорске.

— Одна?

— Как будто одна.

— Что делается на свете! — с неподдельным изумлением сказал отец, ногой придвинул к себе табуретку, хотел было сесть, но выглянул в коридор и позвал: — Ксения! Ксения-аа!

Из путаных, сбивчивых объяснений дочери, перемежаемых сухим всхлипыванием, он узнал, что в школе девочки все утро издевались и над Семеном Георгиевичем и над Ксенией, и что вот Гулевские еще зимою переехали в Зеленый Дол, а Муся снимает угол у доктора Маркузе, и что Ксения не желает, чтобы ради нее мама оставалась в городе.

— Девчонка! — завопил Семен Георгиевич, тряся щеками.

— Если шестнадцатилетним выдают паспорта, то, значит, мы способны к самостоятельной жизни,— резонно возразила Ксения.— А мне через четыре месяца — семнадцать!

— И все равно — девчонка! — упрямился отец, потирая выпуклые, круглые, как мячики, коленки.

— А тем более, что через год я уеду в Москву!

— Никуда не уедешь! — отрывисто заявил Семен Георгиевич.

— Уеду, уеду, уеду!.. И в ваш Машиностроительный не пойду, а обязательно стану врачом. Значит, поеду в Москву или Горький!

— Ну, мы это еще посмотрим! — в полнейшей растерянности сказал отец.— А почему Агния Сергеевна не едет в деревню? — внезапно оживился он.

— Откуда я знаю? Это ее дело, а не мое!

Раздался звонок в прихожей.

— Живцов! Давайте обедать,— вздохнула Мария Тихоновна.

— Обедать так обедать,— безрадостно согласился отец.

3

В воскресенье днем Ксения и Агния Сергеевна возвращались с симфонического концерта учеников музыкальной школы.

Волнение, вызванное музыкой в человеческой душе, схоже с послегрозовым успокоением природы: вот все, омытое и освеженное, притихло, но вдруг пронесся запоздалый вихрь, и тревожно зашумели, всего на миг, шатры берез, и опять тишина...

Взволнованность Ксении и Агнии Сергеевны выражалась в том, что они разговаривали как будто о пустяках, и часто умолкали, и молчали долго, сосредоточенно, рассматривая трещины в асфальте тротуара.

Переулок круто взбирался на косогор. Разросшиеся в палисадниках тополи и рябины почти скрывали одноэтажные домики, и лишь красные и зеленые крыши живописными выпуклыми мазками украшали эту захолустную окраину Синегорска. Словно крохотные комочки облаков, в небе скользили, падали, взмывали ввысь белокрылые голуби; иногда они, со свистом рассекая воздух, опускались и стайками струились по тротуару, по мостовой. Пронзительно заскрипело колесо колодца, тяжело выплеснулась вода из бадейки, влажный девичий голос произнес за забором: «Да я только свои одеважки простирну!»

Агния Сергеевна была худая, высокая, с вечно прищуренными глазами, двигалась она неспешно, в гостях церемонилась и поджимала губы, но когда она садилась к роялю и начинала играть, то лицо ее становилось задумчиво красивым, и Ксения понимала, почему стремительный, словно весь на пружинах, Живцов полюбил увядающую, старше его годами женщину и пять лет назад неожиданно для знакомых и, пожалуй, для самого себя женился на ней.

— Вы обратили внимание на Славика, он сегодня солировал! У мальчика определенный талант! И поразительная для его возраста усидчивость — так и прилипает к роялю! — рассказывала Агния Сергеевна. Говорила она монотонно, как бы нехотя, и на случайных собеседников манера ее речи, вероятно, действовала неприятно, но Ксения привыкла к ней.— Я возлагаю на него огромные надежды.

«...Тобой, одной тобой»,— Ксению неотступно преследовали всю дорогу эти слова; их только что пропел в концерте, почти прошептал, почти выдохнул Симбирцев, сутулый, некрасивый юноша, и, вероятно, почувствовав, как это хорошо у него получилось, с трогательной застенчивостью улыбнулся.

Симбирцев работал чертежником на «Октябре»; про него рассказывали, что вечерами он занимался пением да играл в подкидные дураки со старушкой-матерью, а больше ничем не интересовался. «Антиобщественная личность» — так оценил его однажды старик Тиунов.

Подумав, Ксения простила Симбирцеву то, над чем еще вчера сама же смеялась с подругами.

— Не привыкайте вы, молодые, к легким решениям сложных вопросов,— вдруг без всякой связи с предыдущим сказала Агния Сергеевна.

— А разве...— Ксения покраснела: «Отец, что ли, нажаловался?»

— И ты упрощаешь, да... непростительно вульгаризуешь, и ты слишком прямолинейна. Да... Жизнь потому и называется жизнью, что она сложна! Бетхов[illegible] сказал...

Ксения не расслышала, что сказал Бетховен. «Тобой, одной тобой!..» А о чем разговаривают Агния Сергеевна и Живцов, оставаясь наедине? Вероятно, она многому его научила, иногда одним замечанием, одним взглядом.

Помолчали.

— Больше всего я ненавижу, когда они за преферанс садятся! — с неожиданно вырвавшимся презрением сказала Ксения.— С таким бы азартом работали!

— Что ж тут такого? — примирительно усмехнулась Агния Сергеевна.— Солдаты на походе ведь не бегут, а медленно шагают. И через каждые пять километров привал. А за сутки вышагивают полсотни верст!.. Да еще два пуда амуниции на себе несут! Лучше отдыхать за преферансом, чем водку глушить.

— Они и про водку не забывают,— сдвигая брови, сказала Ксения.

У торговых складов к ним присоединился Тиунов. Он тоже возвращался домой: по воскресеньям Иван Савельевич неизменно посещал кладбище — «с покойницей помолчать...» Приподняв матерчатый картуз, Тиунов поприветствовал Агнию Сергеевну и Ксению и молча пошел рядом, крепко стуча тростью, словно сомневаясь в прочности тротуара.

— Ну, как в ремесленном, Иван Савельевич? — равнодушно спросила поглощенная своими мыслями Живцова.

— Обучаем! — проворчал Тиунов.— Обучаем разумно и планово, а воспитываем и неразумно и бесплановo... Посудите, сейчас на кладбище мои же ремесленники гоняют футбол среди могил! — возмутился старик, нахохлив серые усы.— Как это назвать? Мерзость, гадость, тьфу!

Агния Сергеевна отнеслась к его словам совсем не так, как ждала Ксения.

— Несчастные мальчики!.. В огромном промышленном городе нет детских стадионов!

Они остановились у домика Тиуновых.

Из-за кружевной занавески выглянула счастливая Виола и улыбнулась им жующим ртом.

— Жаль, что у нас не существует принудительного труда! — вдруг с беспощадной суровостью сказал старик.

— Господи, да что это вам взбрело в голову? — удивилась Агния Сергеевна.

Вместо ответа Иван Савельевич выразительно показал на Виолу и, снова приподняв картуз, толкнул ногой взвизгнувшую калитку.

— Ну, вот и дома. Фу, задохнулась на этом косогоре!.. Я вечером зайду,— мягко сказала Живцова и слегка коснулась плеча угрюмой девушки.— Не волнуйся!.. Эти фельетоны к лучшему, да, к лучшему. И моему Владимиру Яковлевичу наказание заслуженное. Не раз гнала в деревню, объясняла: мы не молоды, детей нет и не будет, у каждого свой путь в жизни, своя профессия... Эх, Ксения, Ксения! Есть и хорошие семьи, где муж всегда в отлучке: то командировки, то еще что-нибудь... И есть скверные, где муж с жены глаз не спускает!..

Ксения не поняла, да и не могла понять ее. «Тобой, одной тобой!..»

* * *

Появление Агнии Сергеевны у Батуриных вечером не вызвало на этот раз приветственных восклицаний; Семен Георгиевич не суетился, придвигая мягкое кресло, не приговаривал: «Садитесь, кума, вы у нас всегда желанный гость!»

Давно уже повелось, что Агния Сергеевна и Батурин шутливо величали друг друга «кумом» и «кумою», хотя причин для этого никаких не было.

— Тебя к телефону, Володечка. Кажется, из МТС,— сказала Агния Сергеевна.

Когда Живцов торопливо ушел, Агния Сергеевна положила локти на разбросанные по столу карты и вопросительно взглянула на потупившегося Батурина.

— Плохо дело, кума,— крякнул Семен Георгиевич.— Никогда не ожидал, что такое случится! Работой я доволен, не жалуюсь! Ну, трудно, тяжко... после канцелярии-то! А привыкну! Вот дочь, дочь...

— Дочь у вас хорошая, позавидовать только.— И на лице Агнии Сергеевны появилось надменное выражение, противоречащее ее же словам.— Чего, кум, скрывать, наша жизнь вам известна, соседи... У нас брак спокойный! — Подумав, она отчетливо добавила: — А спокойный оттого, что бездетный... Вам, по первому-то взгляду, хуже, а вдуматься, так лучше! Ну, пусть эту зиму Ксения у меня живет.

Семен Георгиевич просиял, но тотчас же принял строгий вид. Он и обрадовался и испугался. Перепугался он потому, что после такого предложения Агнии Сергеевны волей-неволей надо перебираться с женою в совхоз — никаких оправданий не осталось. А дом? Что ж, дом придется вернуть горсовету; выписывайте, товарищи, ордер, кто там на очереди? Ванну-то на свои деньги оборудовал, не на горсоветовские... А обрадовался он оттого, что кому-кому, но Агнии Сергеевне он мог доверить дочь без колебаний.

— Обеды сама начну варить,— улыбнувшись, посулила Живцова.

— Да что обеды!.. У моей милой доченьки желудок жнейку переварит! — рассеянно махнул рукою Батурин.— А если не захочет?

— Ну, почему же?.. Захочет.

— Ох, страшно! Переходный возраст.

— У вас будто, кум, не было переходного возраста.

— Так-то так, а все страшно!

В это время вернулся озабоченный Живцов, позвали с кухни Марию Тихоновну, и игра возобновилась. Через минуту стало ясно, что играть никому не хочется.

— Чего там? — спросил Семен Георгиевич, как бы через силу сдавая внезапно отяжелевшие, словно из кровельного железа вырезанные карты.

— Да хорошо, хорошо! Даже очень хорошо... Клин за Волчьим овражком засеяли! — сказал Владимир Яковлевич.

— Хорошо!..—машинально передразнил его Семен Георгиевич.— Сейчас хорошо бы в бане попариться. Зря и вчера и сегодня не пошли! Всю бы обиду с души соскреб!

— Не поможет,— равнодушно возразил ему Живцов.— Был в обкоме-то? Ну и молчи!

— Шалишь, дудки! — разъярился Батурин, в сердцах хлестнув картами по столу.— Я... я, может, только дома и отсыпался-то по-человечьи! Все в поле да в поле! Своим горбом поднял зябь! Своим горбом! А зимний ремонт тракторов? Знает об этом... фельетонист?

— Зачем ему знать! — хладнокровно пожал плечами Живцов, и горбоносое усталое лицо его потемнело.

Вдруг все подняли головы и прислушались. О крышу стукнулись дождевые капли, словно кто-то легонько костяшками пальцев постучал в окно. Затем с минуту стояла тишина; она уже была густо насыщена влагой, но дождь еще медлил, как бы раздумывая, надо ли поливать городские улицы, здесь, мол, и без него обойдутся... Но раздумывать поздно: словно из спелого лопнувшего стручка на крыши, на мостовую, на сады посыпались с дробным звоном крупные горошины. Потом их вкрадчивый перестук сменился шипением бесчисленных струй. Сначала, ударяясь о булыжник, струи взрывались, взвихривались, затем они завились в толстенные жгуты, хлещущие по кипящим лужам.

Канавы взревели, гордясь мимолетным половодьем.

— Эх, мне бы такой дождь! — в один голос мечтательно воскликнули Живцов и Семен Георгиевич.

Агния Сергеевна с удовольствием рассмеялась.

— Ну, теперь вы деревню не бросите, вижу!..

Смущенный Живцов не нашелся, что сказать, и потянул к себе карты, а Семен Георгиевич несколько раз подряд чмокнул губами.

Приглушенно загудел поезд, расстояние скрадывало грохот колес, лишь в раме балконных дверей проносились квадраты ярко освещенных окон, похожие на мгновенные вспышки и затухания гелиографа.

— Московский! — сказала Агния Сергеевна, хотя все и так знали, что в девять вечера проходит московский скорый.— Пойдем-ка домой, Володя!

Мария Тихоновна не могла отпустить гостей без ужина.

Когда через полчаса Батурины вышли проводить их, то дождь уже миновал, сумерки были неподвижными, как бы скованными сырыми испарениями, а небо на западе — бесцветным, словно в нем растворилась золотая пыльца заката.

Случайно Агния Сергеевна подняла глаза и сразу толкнула стоявшего рядом Батурина. На подоконнике мезонина, закинув голову, сидела Ксения. Мягкий свет настольной лампы бросил ей в волосы щепотку светящихся капель, обвел четкие линии лица и тела тоже светящейся каймою.

Даже отсюда, с улицы, было заметно, каким нервным напряжением охвачена девушка и как нетерпеливо она всматривалась в даль.

— Она груба, несправедлива,— возбужденно зашептал Семен Георгиевич.— Как вы с нею управитесь? Я, отец, не могу повлиять!

— Переходный возраст.— У Марии Тихоновны в душе остались только эти совсем неутешительные слова.

Все вздохнули и, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись.

* * *

Утро начиналось парное, теплое; тучи уже разошлись; поднималось мглистое багровое солнце.

Семен Георгиевич, в плаще, простившись с женою и дочерью, стоял у своего передвижного киоска для продажи мороженого, когда на крыльце появился Живцов.

— Дождь-то, слышь, ко мне, как в лузу, угодил! — бодро крикнул Семен Георгиевич.— Вот Миша говорит: озимые на два вершка промочил!.. Поздравляй с урожаем!

— С выговором тебя сначала поздравим! — мрачно пообещал Живцов и, опершись о калитку, посмотрел вдоль улицы: его «газик» что-то запоздал.

Настроение у Батурина испортилось.

В это время к машине подбежала Ксения, держа промасленный сверток с пирожками.

— Что ж, дочка, по-своему жить решила? — дрогнувшим голосом спросил ее Семен Георгиевич.

На его свежевыбритом, припудренном лице Ксения увидела глубокие, черные, как шрамы, морщины. Сердце ее покатилось, но та угловатость, то болезненное самолюбие, недоверие к себе, та боязнь насмешек, какие, собственно, и являются «переходным возрастом», сковали ее движения, и она, побледнев, отдернула уже протянутые к отцу руки.

Прислонившись к косяку, у дверей стояла, кутаясь в пуховую шаль, Мария Тихоновна и молчала.

Из крайней калитки вышел Тиунов, приподнял картуз и, стуча тростью, зашагал по мостовой, прямой, молодцеватый, как старшина-сверхсрочник.

— Я поеду, Владимир Яковлевич,— сказал Батурин, подбирая полы шуршащего плаща.— Мне еще в райком надо заглянуть!..

— Поезжай! — согласился тот, перекатывая во рту потухшую папироску.

А Виола глядела на них из-за кружевной занавески и жевала...

Строительство бетоновозной эстакады в котловане Сталинградской ГЭС.

Фото В. Сметанникова.

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

На строительстве ГЭС под Сталинградом

На одной из улиц города Волжского стоял молодой паренек и растерянно смотрел вокруг.

— Никак не пойму, где здесь остров Зеленый? Говорят, поезжай на Зеленый остров. А острова и нет никакого.

В самом деле, где они теперь, острова Зеленый, Песчаный, где Верхнеахтубинская степь? Еще живы старые названия этих мест, но нет уже островов, нет степи. На левом берегу Волги, чуть выше Сталинграда, раскинулся новый большой город.

Широкий проспект имени Ленина ведет в центр молодого города, где среди жилых домов расположены клубы, кинотеатры, детские ясли, освобождается от лесов монументальный Дворец культуры. Прямая улица Фонтанная, названная так потому, что здесь со временем будет много фонтанов, ведет от Дворца к волжскому рукаву — Ахтубе, где заканчивается сооружение стадиона на 10 тысяч мест.

Так встречает Сталинградгидрострой пятилетие со дня постановления о строительстве электростанции.

Вот на выборку несколько сообщений из газеты строителей.

Более ста человек поступает на заочное отделение Саратовского автомобильно-дорожного института. 340 молодых людей подали заявления в вечерний гидротехникум. Литературная группа обсудила стихи и рассказы молодых поэтов и прозаиков — строителей. Из Москвы, Ленинграда, Одессы, Харькова, Горького, из Польши, Венгрии и Чехословакии приехали на практику сотни студентов. Заасфальтирована восьмая по счету улица. Объявлен конкурс на лучшую песню...

Молодой город живет полнокровной жизнью. Но все помыслы строителей устремлены к Волге, туда, где развернулось строительство гидроэлектростанции и плотины, где день и ночь не затихает шум стройки.

...Котлован под здание гидроэлектростанции. Строители кладут бетон в фундаментную плиту, устанавливают арматуру, монтируют бетоновозную эстакаду. Более 500 метров эстакады уже готово. На нее подняли портальные краны, и теперь арматурщики ведут монтаж блоков с помощью кранов.

Стройка готовится к большому бетону. Скоро в гидротехнические сооружения будет укладываться не 36 тысяч кубометров бетона в месяц, как сейчас, а 80—100 тысяч.

Н. ГУММЕР

ВЬЕТНАМ, 1955 ГОД

Г. БОРОВИК Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Дорога рассказывает

Вьетнам начался неожиданно. Казалось, все оставалось прежним: те же, что на юге Китая, острые горы, прозрачное голубое небо, затейливые деревья. И в то же время все изменилось. Может быть, оттого, что на карнизе бамбукового дома висит стакан неразорвавшегося снаряда, служащий гонгом, а возле шлагбаума стоит удивительно молодой боец в бамбуковом шлеме, похожем на черепаху. Шофер широко улыбнулся и, раздвинув обе руки, будто хотел кого-то обнять, сказал: «Вьетнам!»

Наш шофер — вьетнамец. Он не знает русского, а мы вьетнамского языка. Молчит шофер, уверенно вертя баранку, молчим и мы, впившись глазами в дорогу. Она юрко петляет среди гор, ныряет в ущелья, неожиданно вырывается на открытые солнцу и свежему утреннему ветру ровные луга.

Дорога ведет свой молчаливый, не требующий перевода рассказ.

Вот она приблизилась к железнодорожному пути и долго бежит рядом, показывая его во всех подробностях. Железная дорога построена совсем недавно, она связывает китайский город Пинсян с Ханоем, столицей Демократической Республики Вьетнам. Каменная насыпь еще свежая, и поезда идут медленно, приноравливаясь, как бы ощупью. Здесь и раньше была колея, но во время войны население разобрало ее, и рельсы пошли на изготовление сельскохозяйственных орудий и боевого оружия.

На несколько минут наша дорога забегает в Ланг-Сон, чтобы по-

Крестьяне идут на строительство дамбы Бат-Ват у Красной реки.

Здесь крестьяне сдают государству сельскохозяйственные продукты.

казать полностью разрушенный, когда-то опрятный городок, состоявший из аккуратных двухэтажных коттеджей, выкрашенных желтой краской.

Мы проезжаем по нескольким улицам и видим, что город живет: использован каждый мало-мальски целый дом, каждая сохранившаяся стена; стоят десятки новых построенных из бамбука домиков с оштукатуренными стенами. Торгуют магазины, работают учреждения, улицы полны поделовому спешащих людей.

Машина выбирается из города, и тут же ее начинает немилосердно швырять на рытвинах. Толчок слева, справа, снова слева — и так через равные промежутки: рытвины расположены в шахматном порядке, на одинаковом расстоянии друг от друга. Дорога стала похожа на застежку «молния». Шофер смотрит на нас чуть виновато и жестами пытается объяснить, что это одна из шоссейных дорог, изрытых вьетнамскими партизанами, чтобы преградить путь оккупантам.

Война была долгой, она вошла в быт. Вот и теперь куполы французских парашютов служат крышами для домов, на верхушке дота сушится рис, маленький мальчишка использует для некоторых надобностей военную каску у порога родительского дома. За год мира огромные серые буйволы еще не оставили привычки шарахаться с дороги в заросли при шуме мотора: животные вместе с людьми научились так спасаться от воздушных налетов.

По-другому ведут себя свиньи, утки, куры, неторопливо переходящие шоссе. На отчаянные гудки, на улюлюкание шофера — никакого внимания. Это тоже привычка: последние годы дорога была в руках Народной армии, и для ее шоферов существовал строжайший приказ, подписанный Главнокомандующим Во Нгуэн Зиапом: за каждую раздавленную курицу или другую домашнюю живность выплачивать хозяину полную стоимость.

Дорога идет дальше и продолжает свой рассказ...

Она упирается в бурливую речушку. Мост разрушен, и по желтой воде медленно движется паром. Молодые паромщики перебирают руками канат, сплетенный из тонких длинных стволов бамбука. Когда через полтора месяца мы возвращались назад, бамбуковый канат был уже заменен стальным тросом.

На другой стороне реки дожидаются очереди на паром три «джипа», выкрашенных белой краской. На радиаторе одной из машин белый флажок с голубыми литерами — это автомобили Международной комиссии по наблюдению и контролю за выполнением Женевских соглашений во Вьетнаме. Видимо, направляется на объект одна из подвижных групп, состоящая, как и вся комиссия, из представителей Индии, Польши и Канады.

После переправы выезжаем на широкую равнину, похожую на паркетный пол. На дольках рисового поля стоят короткие палки с деревянными табличками, на них — номер и фамилия владельца земельного участка. Значит, здесь недавно прошла или проходит земельная реформа и землями, конфискованными у помещиков, уже владеют крестьяне... Длинная вереница людей с красным знаменем впереди. Мальчишки с пионерскими барабанами; два десятка крестьян несут на плечах такие же таблички, которые мы только что видели на полях. Раздел земли! Шофер приветствует процессию длинным протяжным гудком и что-то весело кричит крестьянам. Те отвечают улыбками.

Кругом теперь равнина, по ней разлит зеленый цвет со всеми его оттенками, сочетаниями и переливами. Яркозеленые клочочки — это рисовая рассада. Чуть темнее — трава, проглядывающая сквозь воду. В воде отражаются зелено-голубое небо, черно-зеленые кроны деревьев.

Дорога ведет нас дальше...

Солдат вернулся домой

Солдат вернулся с войны. Его дом разрушен, хозяйство запущено, поля поросли сорняком. Он пашет, сеет, чинит старую крышу, ставит стены нового дома, сжигает сорняки. Ему трудно, но он видал и не такие трудности и работает споро, ловко, как подобает человеку, провоевавшему много лет. Солдат сохранил многие армейские привычки: умеет собраться в минуту, спать на ходу, потуже затянуть ремень, если трудно с едой.

Вьетнам 1955 года напоминает такого солдата.

Слышали ли вы когда-нибудь выражение «белая зона»? По-французски это звучит довольно красиво — «ля зон блянш». А значит это: ни людей, ни воды, ни риса, ни жизни — дикая, запущенная земля. После Китая, где возделан каждый клочок земли, здесь, во Вьетнаме, бросаются в глаза целые массивы, густо поросшие сорняком. Такие зоны занимали во время войны в Северном Вьетнаме около 130 тысяч гектаров.

По дороге в город Фу-Ли, столицу провинции Ха-Нам, мы остановились на шоссе, возле которого стояли большие корзины с рисом. Что-то весело обсуждает группа крестьян, одетых в коричневые холщовые рубахи (коричневый цвет в крестьянской одежде Вьетнама преобладает: домотканные полотна красят в отваре корня ну-энг). Двое мальчишек, приподымаясь на цыпочки, колотят в продолговатый барабан. Там-там-там — три медленных удара, потом короткая дробь — тра-та-та-та-та-та...

— Зачем вы бьете в барабан? — обратились мы к ребятам.

— Радуемся.

— Чему?

— Тому, что майский урожай хороший.

— А для чего у вас эти жестяные рупоры?

— Ведем пропаганду.

Мы просим показать, как это делается. Мальчишки становятся рядом, приставляют рупоры ко рту и хором запевают:

— Сдавайте очищенный рис!
Сдавайте просушенный рис!
Он должен светиться на солнце.
Пусть каждое зернышко будет как жемчуг —
Рис кормит республику, кормит народ!

Крестьяне одобрительно кивали головой, наблюдая эту сцену. Оказалось, что мы попали на пункт сбора сельскохозяйственного налога.

Мы спросили, действительно ли хорош урожай риса этой весной (как правило, в провинции снимают два урожая — майский и октябрьский).

— Неплохой,— ответила за всех пожилая женщина с бамбуковым коромыслом на плече. В одной из двух корзин, висящих на коромысле, сидел толстый карапуз с косичкой на голове, в другой, для равновесия, лежало несколько кокосовых орехов. — Неплохой! — повторила женщина уверенно.

— А прошлой осенью?

— Прошлой осенью было голодно... Кругом густо росли одни сорняки.— Женщина показала рукой.— Дамбы разрушены, плуги французские солдаты сожгли, буйволов перебили. Осенью и зимой было очень трудно...

Вот к такому хозяйству вернулся солдат-вьетнамец год тому назад.

За прошедшую зиму, как рассказали нам крестьяне, сделано было все, чтобы получить майский урожай. Государство помогло чем можно. Из районов, меньше пострадавших от оккупации, прислали сюда буйволов (а вы знаете, что такое отдать буйвола!). Прислали риса, дали инвентарь...

Понятно, что этого не хватало. Полутораметровые сорняки приходилось рвать руками, порой вместо буйволов в плуг впрягались люди; собственными силами восстанавливали плотины и дамбы. К весне три четверти «белой зоны» в провинции — почти 11 тысяч гектаров — было засеяно. В мае получен первый мирный урожай!

В провинции Тань-Хоа, находящейся к югу от Ха-Нам, восстановлена плотина через реку Чу. В 1952 году ее разрушил противник, чтобы создать и в этом районе, занятом тогда Народной армией, «белую зону». Плотину взорвали торпедами, брошенными с воздуха. Образовалась брешь длиной в 22 метра, потом силой течения было разрушено еще 28 метров. Без воды остались 100 тысяч мау[1] земли.

Плотина строилась в свое время под руководством французских инженеров в течение шести лет, вся система орошения была закончена в течение 15 лет. Сразу после подписания Женевских соглашений народное правительство Вьетнама решило восстановить эту систему орошения за пять месяцев, чтобы обеспечить водой уже майский урожай. Не было опытных инженеров, «технический» совет могли подать разве только крестьяне-старики, когда-то участвовавшие в постройке плотины. Многие считали пятимесячный срок фантастическим. Но 17 декабря прошлого года поля получили воду. А в марте нынешнего плотина была восстановлена полностью.

Бывший начальник строительства товарищ Тонг Вьет Нгием остроумно сказал: «Для того, чтобы построить плотину, у нас тогда не было ничего, кроме земельной реформы». В этой фразе, нам кажется, ключ к пониманию того, что происходит во вьетнамской деревне. Без тех табличек, которые мы видели на придорожных полях, план восстановления плотины через Чу и майский урожай действительно были бы пустой фантазией. Чувство хозяина своей земли, которое пришло к вьетнамским крестьянам благодаря земельной реформе, сделало чудеса.

Мечты и планы

В Хайфоне мы были свидетелями такой сцены. При нас заработал только что восстановленный подъемный кран. Основные детали его были спрятаны рабочими перед освобождением. И вот сейчас снова зашумел мотор. Все, кто был поблизости, бросились к машине. Каждый хотел дотронуться до кузова, стрелы, стального троса. И столько подлинной нежности было в глазах этих людей!

Нас познакомили с токарем Нго Сун Ха. Щуплый, небольшого роста, он, невероятно смущаясь и не зная, куда девать выпачканные маслом руки, рассказывал о том, как вместе с четырьмя товарищами спасал старенькие токарные станки, работающие сейчас в цехе. Ночью они пробрались на двор завода, чудом избежав пули часового. Подползли к сторожу, связали его, заткнули рот и так же ползком унесли из цеха основные части большинства станков. Все это они зарыли ночью в поле за городом.

Рабочие самоотверженно спасали свои заводы. Колонизаторы

[1] 1 мау=3 600 квадратным метрам.

В деревне Тай-Шон проходит аграрная реформа. В помещении школы составляют списки для распределения земли. Старик Нуенг Те Шунг — тут главный консультант. Неважно, что он неграмотный: землю помещика, у которого проработал всю жизнь батраком, он знает, как свои руки.

спохватились и провели массовое увольнение на всех предприятиях. Тогда рабочие стали днем и ночью пикетировать заводы, не давая увозить оборудование, вступая в вооруженные столкновения с полицией и войсками.

Все же французским властям удалось вывезти ценное оборудование со многих предприятий. В результате некоторые из предприятий стоят, некоторые действуют не в полную силу. В одном Хайфоне оказались без работы почти тридцать тысяч человек. Часть из них сейчас используется на широко развернувшемся строительстве. Главное в промышленной жизни страны — восстановить и пустить в ход все предприятия.

Душным июльским днем на строительстве одного из мостов железной дороги Ханой — Фу-Ли мы разговаривали с инженером по имени Тинь Ан. Он говорил о будущей индустриализации страны.

— Вы понимаете,— от воодушевления он постоянно снимал и надевал свой пробковый шлем,— вы понимаете, какие у нас ресурсы! Гидроэнергия неисчерпаемая — раз! — Инженер отгибал поочередно зажатые в кулак пальцы. — Железо — два! Вольфрам, медь, цинк, свинец, марганец — три! Уголь! Вы видели наш уголь? Он как масло. Его можно ложкой брать, и лежит открыто. Значит, уголь — четыре! Люди — пять! И какие люди! Если они могли в джунглях делать гранаты и производить пенициллин, то в мирных условиях они и блюминги освоят! Значит, будет у нас тяжелая промышленность? Будет! Дело только во времени.

Инженер Тинь Ан сидел вместе с нами на перилах временного моста, а внизу рабочие поднимали на веревках огромную деревянную бабу, кричали «хай — ба!» (два — три!) и бросали ее на сваю. Разговор о блюмингах шел там, где не нашлось и обыкновенного парового молота. Но в этом не было ничего фантастического, как и в плане восстановления большой плотины за пять месяцев...

Врач Чонг Конг Куэн из Ханоя во время войны читал лекции в институте медицины и фармакологии, расположенном в джунглях в нескольких бамбуковых домиках. Он признался нам, что в те дни мечтал о большой, мощной отечественной фармацевтической промышленности. В джунглях ножницы, скальпели, пинцеты ковались вручную из стальных рельс и автомобильных шасси; ампулы, шприцы, мензурки изготовлялись из старых бутылок и стаканов; лекарства расфасовывались в отрезках бамбуковых стволов; культура пенициллина выращивалась на кукурузе, стрихнин добывался из рвотных орешков. Но мечта врача Чонг Конг Куэна имела под собой такую же реальную основу, как взволнованные предсказания инженера Тинь Ана. Сейчас Чонг Конг Куэн — заместитель директора Ханойского института медицины и фармакологии, заведующий кафедрой органической химии.

После отъезда Правительственной делегации из Демократической Республики Вьетнам в Китай и Советский Союз старый, седой слесарь на паровозоремонтном заводе в Ханое сказал нам:

— Теперь любые наши планы

Они вернулись из Южного Вьетнама.

будут выполнены. Залог этому — помощь Советского Союза и Китая.

Китайские специалисты-мостостроители товарищи Ли Лю-си, Куан Чун и У Юй-чжэн прибыли сюда в составе группы в сто восемь человек. Все они, инженеры и рабочие, из разных концов великого Китая, каждый раньше работал на крупных железнодорожных стройках.

— Мы учились у советских инженеров. Теперь опыт передаем по эстафете Вьетнаму,— сказал, смеясь, товарищ Ли Лю-си.

Единое целое

Через несколько дней после освобождения Хайфона в его порт пришли два корабля из Сайгона. Они привезли беженцев с юга. На берег сошло почти две тысячи человек, горячо встреченные хайфонцами. Временно, на несколько дней, их разместили в деревне уезда Кинтай, неподалеку от Хайфона, а затем они направились в родные места или туда, где им предоставили землю, жилье и работу.

Мы беседовали со многими южанами. Здесь были и те, кто несколько лет прожил на юге и решил переехать в Демократическую Республику, и северяне, насильно эвакуированные на юг, а теперь сумевшие вернуться.

Вот история, рассказанная нам молодой, но уже старообразно выглядевшей женщиной, с впалыми щеками.

Выанг Тхи Тхай уехала на юг 4 января по лунному календарю (то есть 27 января этого года). Она жила до этого на севере, в деревне Туэ-Лиэу. В конце прошлого года по домам деревни стали ходить нгодиньдьемовские солдаты, какие-то штатские. Они подолгу говорили о том, что, как только в эти места придет народная армия, будут брошены с самолетов две атомные бомбы. Во всем Северном Вьетнаме, говорили они, не останется ни одного живого человека — один пепел.

Выанг Тхи Тхай до смерти боялась атомной бомбы. И она решилась уехать. Те же люди говорили ей, что на юге ей сразу выдадут восемьсот пиастров, много риса и землю.

Через несколько дней она была уже в Сайгоне.

В Сайгоне всех приехавших посадили на грузовики и увезли на каучуковую плантацию какого-то иностранца.

Управляющий давал новым рабочим только кофе, а в ответ на протесты издевательски смеялся и говорил, что голодным нельзя давать много еды, так как они могут умереть. В первые же дни умерло несколько человек.

— Как же поступили вы?

— Я убежала в Сайгон. Там ходила по дворам, подбирала на свалках отбросы. Меня посадили в тюрьму. Когда я вышла через месяц на «свободу», я уже твердо решила любой ценой вернуться на север. Но надо было получить разрешение.

— От кого зависело разрешить вам или отказать?

— От муниципалитета. Но желавших вернуться на север было очень много. Всем было отказано под разными предлогами. Тогда все вместе мы стали ходить мимо муниципалитета и кричать: «Пустите нас на север! Выполняйте Женевские соглашения!». Меня снова арестовали. Только по требованию Международной комиссии некоторых из нас освободили, в том числе и меня. Комиссия добилась и того, чтобы нас отправили на пароход. На пароходе к нам подсадили нескольких провокаторов, которые пытались снова запугивать нас.

— Много ли на юге людей, которые хотели бы приехать на север? — спросили мы.

Женщина всплеснула руками.

— Ой, очень много! В одном Сайгоне много тысяч. А сколько на плантациях!

— Что же они собираются делать?

— Будут добиваться, будут устраивать демонстрации, будут тайно пробираться на пароходы. А у кого не выйдет,— будут ждать всеобщих выборов и объединения. А объединение будет! — произнесла она внезапно зазвеневшим голосом.

Мы присутствовали на пресс-конференции заместителя Премьер-Министра и Министра иностранных дел ДРВ товарища Фам Ван Донга. Худощавый человек с энергичным лицом огласил заявление своего правительства о готовности точно выполнить условия Женевских соглашений и участвовать в проведении всеобщих свободных выборов, которые должны состояться в июле 1956 года.

Народ Вьетнама полностью одобряет это стремление. Он борется против каждой попытки ставить препятствия на пути к объединению.

«Далеко-далеко...»

Во Вьетнаме, особенно в отдаленных деревнях, настороженно относятся к европейцам. Слишком много здесь претерпели от них дурного, чтобы так быстро забыть. Но стоит произнести слово «линсо» (советский), как лица озаряются улыбками, люди стараются пожать вам руку, дотронуться до вас.

В Сон-Ла, небольшом городке к северо-западу от Ханоя, мы расположились поздним вечером на отдых. Во дворе дома, где мы остановились, роздались звуки вьетнамского инструмента «хэн», очень нежного, похожего тембром на гобой или фагот. Средних лет крестьянин играл чудесные вьетнамские мелодии. А потом вдруг заиграл... советскую песню «Далеко-далеко...». Это было так неожиданно и удивительно, что мы даже не догадались спросить имя музыканта.

А вот еще одна встреча. Однажды во время поездки на северо-запад Вьетнама мы заехали в маленькую горную деревушку Донг-Хоа, одну из тех, где живет народность тай. Деревушка состоит всего из пяти домов, построенных, как принято у тай, на сваях. В одном из бамбуковых домов, крытых соломой, с большой верандой, от которой на землю ведет тоненькая бамбуковая лестница, мы остановились переночевать.

Хозяева дома постелили для нас цыновки, натянули над ними противомоскитные сетки, и мы улеглись.

Часа в два ночи нас разбудили песня и громкий барабанный бой. По лесенке на веранду, аккуратно снимая резиновые сандалии и оставляя их на земле, поднимались один за другим ребятишки, напевая хором какую-то песню. Все это выглядело несколько фантастично при голубом лунном освещении. Переводчик обменялся несколькими словами со стариком-хозяином и, улыбаясь, объявил:

— Это пионеры из соседней деревни. Они узнали, что в Донг-Хоа приехали советские люди, и решили повидать вас. Они шли пешком по горной дороге пять километров...

— Почему же ночью? — удивились мы.

— Они хотели быть первыми.

Десять мальчиков и девочек в красных пионерских галстуках окружили нас. Старший в группе сказал:

— Вы первые советские люди в нашей деревне; мы приветствуем вас и желаем здоровья.

После этого, немного смущаясь, дети запели.

— Поют о дружбе между Вьетнамом, Советским Союзом и Китаем,— шепнул переводчик.

Нам хотелось обнять и крепко расцеловать каждого из маленьких друзей Советского Союза. Сдержались только потому, что во Вьетнаме это не принято. В эту ночь мы, конечно, уже больше не спали.

Утром в доме собралось человек двадцать пять — жителей этой деревни и соседних. Пришли не только люди тай, но и мео и вьетнамцы. Земля здесь трудно поддается обработке, надо жечь джунгли, чтобы на крутом — градусов в пятьдесят — склоне горы очистить клочок земли и засеять рисом. Местные крестьяне — хорошие охотники, одинаково мастерски владеющие карабином и бамбуковым луком. Почти все они были во время войны партизанами.

Гости удобно уселись на пол, и по кругу пошла толстая бамбуковая трубка, наполненная водой, булькающей при каждой затяжке. Нам очень хотелось услышать от бывших партизан историю их мужественной борьбы. Но крестьяне захватили инициативу в свои руки, и сразу посыпались вопросы о Советской стране:

— Как живут крестьяне в ваших кооперативах?

— Остались ли еще у вас вредные звери и насекомые, которые уничтожают урожай?

— Как в Советском Союзе используют атомную энергию в мирных целях?

— Правда ли, что у вас есть машины, которые сами сеют и сами убирают урожай?

— А как в СССР охотятся на тигров? Много ли они похищают каждый год людей?

— Красивым ли стал город Сталинград?

— Что такое снег?

Были еще десятки других вопросов, и все они были согреты искренней и непосредственной теплотой. Так спрашивают только о большом и близком друге.

Наши собеседники, как выяснилось, прекрасно знают главные события Отечественной войны советского народа, истории нашего государства, знают, как боролся китайский народ за свою независимость и как строит он сейчас новую жизнь.

И, слушая вопросы крестьян, удовлетворяя их любопытство, мы вспомнили песню, прозвучавшую так неожиданно в городке Сон-Ла. Она стала для нас символом огромной сердечной близости наших народов.

НА РИСОВОМ ПОЛЕ

ЧАН ХЫУ ТХУНГ,
вьетнамский поэт

**Светает. Все стало виднее.
И рис золотится сильнее,
И блещут все ярче росинки,
Качаясь на каждой травинке,
И жаворонок в синеве
Рассыпал зерно, зазвенел,
И песня над полем кружит
И, вдаль улетая, так долго
под небом дрожит.**

**С мотыгой стою над водою,
А сердце стучит, как шальное.
Такое же утро вставало,
Такое же солнце блистало,
И жаворонок в синеве
С таким же восторгом звенел,
И рис золотился, а я
Шла рядом с тобой:
я на фронт провожала тебя.**

**В руке я несла клейкий рис,
Завернутый в пальмовый лист,
А ты — за плечами мешок —
Сандалию вырвать из липнущей
глины не мог...**

**Потом ты на поле взглянул
И мне у запруды шепнул:
— Мы мало с тобою пололи,
Сгибаясь на рисовом поле.
Родная, ты помни об этом
И лучше работай, прошу тебя,
будущим летом.**

**Послышались песни и танцы,
А сердце рвалось из груди.
И вот уже — сбор новобранцев.
— Прощай,— ты сказал мне,—
иди...**

**Цвели апельсины, лимоны,
Алел, наливаясь, гранат...
Ты с первых же дней обороны
Сражался, как лучший солдат.
Затишье порой выпадало,
Письмо я тогда получала.
Я гладила буквы руками,
И сердце взвивалось, как знамя:
Вот-вот наступленье начнется...
И рис мой созрел и не гнется,
Смотри, каждый стебель,
как прут,
Мне премию в соревнованье,
наверно, дадут...**

**По пальцам я годы считаю:
Четыре... Четыре, я знаю.
Твердят мне, что жду я
напрасно.
Твердят: «Не придет, это ясно».
Бананы у дома растут,
В саду апельсины цветут.
На поле, на сад я смотрю
И думаю думу свою.
Еще урожай подошел.
С мотыгой на поле стою.
И рис, словно сердце, тяжел.
Любимый, я верю в победу —
твою и мою!**

Перевел О. Савич.

Демократическая Республика Вьетнам. В детском саду г. Ханоя.

Зимой этого год...
мократической Р...
ке Вьетнам была...
новлена разр...
французами плот...
Тхыонг на реке ...
винция Тань-Х...

Хонгайские уголь...
пи. Открытые раз...
угля на шахте Н...

в Де-
спубли-
восста-
шенная
на Бай-
у (про-
ра).

-ые ко-
работки
зм-Фа.

Бойцы Н[illegible] армии Демократи[illegible] Р[illegible]лики Вьетнам помогают крестьянам деревни Мыонг[illegible] обра[illegible]

Сегодня — День шахтера

МОСКОВСКИЙ УГОЛЬ

А. СТАРКОВ

Фото И. Тункеля.

Открытие Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов, как и многие другие славные дела, связано с именем Петра I, издавшего Указ, который разрешил «всем и каждому... какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах... искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы... и каменья...» Было создано горное ведомство — Берг-коллегия,— которому среди прочих забот надлежало «иметь старание о приискe каменного уголья...» При Берг-коллегии образовалась команда рудознатцев, отправившихся в разные концы России на поиски. Один из этих разведчиков, бывший подьячий Григорий Капустин, нашел уголь на Дону, в Оленьих горах. Это случилось осенью 1721 года. А на другую осень два рудоискателя, крепостные Иван Палицын и Марк Титов, ученики Капустина, почти одновременно обнаружили уголек неподалеку от Москвы: первый — в Ряжском уезде, на реке Туговке, а второй — под Переяславлем-Рязанским.

Петр вскоре умер, о находках в Подмосковье забыли. И вот через сорок с лишним лет на том самом месте, где вел разведку Иван Палицын, на реке Туговке, рязанец Максим Котельников снова отыскал «уголье горению способно, как дымит — вонюче, а твердо, аки камень, а горит — тлением шипит». Семифунтовый образец был отослан Котельниковым в Петербург с просьбой прислать на Туговку сведущих людей. Посылка ходила из департамента в департамент, пока где-то не затерялась. Спохватились, кинулись искать Котельникова, но к той поре рязанец уже умер.

И прошел без малого век. За это время уголь не раз попадался на глаза подмосковным жителям. Был он обнаружен и Андреем Болотовым, большим ученым, талантливым писателем, автором замечательной книги «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Он нашел угленосный пласт на земле графа Бобринского, поместьем которого одно время управлял. Болотов сообщил о своем открытии в Академию наук, но там это не произвело должного впечатления... А в год Отечественной войны против наполеоновских войск кузнец-оружейник Федор Кривоногов наткнулся в 15 верстах от Тулы сразу на несколько пластов угля. И все-таки более или менее серьезная разработка угольных месторождений началась только в середине прошлого века под Богородицком, там, где проводил когда-то поиск Андрей Болотов.

Мы несколько задержались на истории, потому что рассказ о сегодняшнем Подмосковном угольном бассейне хочется начать с геологов, которые и сейчас ищут и находят здесь «солнечный камень», идя по следам своих предшественников — Ивана Палицына, Марка Титова, Максима Котельникова, Андрея Болотова, Федора Кривоногова, чьи имена достойны благодарной памяти потомков.

...Штаб геолого-разведочной партии расположился на Бобрик-горе, у подножия которой протекает тихий, робкий ручеек. Через него легко перешагнуть. Вот-вот, кажется, иссякнет он, замрет, исчезнет в лугах. И никак уж не угадаешь в нем великой реки. А это ведь Дон! Он берет тут свое начало, и потому этот район Московской области называется Донским.

Мы приехали к геологам чуть не на заре, но начальника партии Королева уже не застали: он был «в поле». Собирались на участок и главный инженер Василий Семенович Борисов с заведующим буровым хозяйством Сергеем Кирилловичем Вашкиным. Они стояли около «козлика», поджидая шофера, и наше появление явно нарушало их планы. Впрочем, выход был найден сразу же: ехать вместе. Дорога оказалась дальней, и мы успели и послушать наших спутников и присмотреться к ним.

Говорил больше Борисов, а Вашкин, сидевший впереди, лишь изредка оборачивал к нам свое широкоскулое загорелое лицо и вставлял одно — два словечка. Он гораздо старше главного инженера и в эти вот места пришел с буровым инструментом как раз в тот год, когда Борисов только родился. Было это 28 лет назад.

В то время тут собирались строить большую тепловую электростанцию — нынешнюю Сталиногорскую ГРЭС,— и для нее нужно было найти где-то поблизости уголь. Месторождение, которое удалось тогда разведать геологам, так и назвали: «Электрополе». Отсюда, собственно, и началось развитие той части огромного, широко раскинувшегося Подмосковного бассейна, которая лежит непосредственно на территории Московской области и именуется поэтому Мосбассом.

— Сергей Кириллыч всю московскую землю истыкал буром,—

В шахту спустилась очередная смена.

Комбайн «Донбасс» в лаве шахты № 35 треста «Красноармейскуголь».

шутит Борисов.— Живого местечка не оставил.

— Ну уж и не оставил...— откликается Вашкин, но тут же добавляет: — А вообще-то за эти годы порядочно мы пробурили.

Нет в Мосбассе ни одного угольного месторождения, в открытии которого не принимал бы участия буровой мастер Вашкин. Ищут уголь так: сперва по прямой линии бурят через каждые два километра скважины. Достают с разных глубин керны — пробные столбики породы. Вот засекли уголек! Начинают скважины сгущать, буравят землю через каждый километр. Снова попался уголь. Еще и еще... Теперь поиск ведут уже не по линии, а по площади. Расстояния между скважинами все уменьшаются и уменьшаются. Образуется как бы частая сетка, построенная по строгому математическому расчету. Геологи должны не только определить границы месторождения, мощность пластов, но и подсчитать запасы. Для этого существует особый метод, позволяющий с большой точностью назвать количество угля, хранимого в подземной кладовой.

Подмосковная земля богата «солнечным камнем». Лежит он, между прочим, и под самой столицей, но лежит очень глубоко: 350 метров до него тут. В Мосбассе же добыча ведется с глубин впятеро меньших. А недавно на Люторическом месторождении люди Вашкина наткнулись на уголек, не пробурив и десяти метров. Геологи повели разведку — ого, сколько его здесь оказалось! И весь он чуть не на поверхности. Шахты ставить не надо. Верхний слой вскроют, и уголь смогут брать экскаваторы. Это будет первый в Мосбассе открытый угольный разрез.

— Граница нашего бассейна подвигается на север,— сказал Борисов.— Запасы там огромны. На наш с вами век, Сергей Кириллыч, хватит еще работы...

— На мой определенно,— улыбнулся Вашкин.— Да и на ваш, наверное, Василий Семеныч...

Борисову нет еще тридцати лет, но как геолог он в поисках угля тоже немало потревожил земли и на Украине, и в Закарпатье, и на Дальнем Востоке. Тут, в Подмосковье, он участвовал в разведке ряда месторождений — Березовского, Урусовского, Южно-Малинковского. Был участковым инженером, старшим геологом разведывательной партии, теперь он ее главный инженер. Жена у Борисова — тоже горняк, с высшим образованием. Она работает маркшейдером в тресте, который строит шахты. Маркшейдер — это подземный топограф. Получив необходимые данные у геологов, он дает направление всем горным выработкам. Так что в семье Борисовых есть разведчик угля, есть строитель шахт. Не хватает добытчика. Но добытчик подрастает. Зовут его Игорьком.

За интересным разговором и долгий путь не в тягость. Наш «козлик» свернул с асфальтового шоссе на пыльную грунтовую дорогу, которая то ныряет к речке, то взбирается на горушку, то бежит через село. Машина выехала на опушку леса, остановилась, и мы вышли. Впереди — глубокий овраг. За оврагом — колхозное поле, по которому ходит трактор с прицепом. И тут же в поле стоит грузовик с буровым станком.

— Мы находимся на границе Гранковского месторождения,— объяснил Борисов.— Вернее, на бывшей границе. Месторождение-то это давно разведано, здесь уже несколько шахт действует. И мы считали, что тут вот, в лесу, граница. А минувшей зимой пробурили скважину на просеке — уголь! Спустились в овраг — уголь! Значит, граница дальше. Ну что ж, в такой ошибке приятно признаться... Вот и ведем доразведку. После того как мы оконтуриваем угольное поле, определяется, где ставить копер и прочие надшахтные сооружения. Этот участок превращают в так называемый горный отвод. Он существует только на время эксплуатации шахты, а когда она «гаснет», снова становится свободным земельным участком. Но большинство горных отводов успевает за этот срок обрасти... Сергей Кириллыч может вам рассказать, как в конце двадцатых годов бурил он скважины около деревни Клин, как появилась там шахта, как поднимались рядом дома и как постепенно из горного отвода возник город Сталиногорск, нынешняя столица Мосбасса.

...Хотя московский уголек лежит не так глубоко, как донецкий, но добывать его не проще, если не сложней. Главные враги у шахтеров Подмосковья — вода и пропитанный ею песок-плывун. Вода и над углем и под ним. Тут так и говорят: плавающий пласт. С водой в Мосбассе идет борьба не на жизнь, а на смерть.

Григорий Иванович Нуждихин, начальник шахты «3-я Гранковская», рассказывал нам:

— Позапрошлой зимой в новогоднюю ночь только пригубил я первую рюмку, как с шахты аварийный звонок: затопило правое крыло! Представляете, четыреста кубов хлынуло сразу. Две недели наступали мы насосами на воду, еле откачали. Та тревожная ночка многому нас научила. Воды дожидаться нельзя, ее надо опережать. У нас тут залегают упинские известняки. Они-то и дают водичку, которая напирает снизу. Гидрогеологи подсказали нам способ, который они называют предварительным осушением. Там, куда пойдут горные выработки, мы заранее бурим скважины и турбинными насосами снижаем общий водонапорный уровень. А против воды, которая сверху, дренаж! Кстати, вернетесь в Москву, позвоните, пожалуйста, в Гипроуглемаш товарищу Топчиеву. Спросите: когда же они наконец сконструируют давно обещанную для Мосбасса дренажную машину? Очень она нам нужна!.. Воде мы объявили бой. Правда, предварительное осушение и дренаж отнимают немало сил и времени. Но зато шахта у нас теперь не такая мокрая, какой была, скажем, года два назад. В очистных лавах, где добывают уголь, сухо. Гоним мы воду и с подготовительных участков...

Нуждихин — ровесник геолога Борисова. Ему 28 лет, и он уже третий год руководит шахтой. Брат его Алексей Иванович — тоже начальник шахты. И еще один брат, Петр,— начальник участка. Нуждихины из рязанского села, которое лежит неподалеку от того места, где нашел когда-то

уголь крепостной Иван Палицын. Из этого села вышло много шахтерских семей. Нуждихины — одна из них. Отец трех братьев, Иван Григорьевич, сам сын и внук горняков, почти сорок лет добывает уголь, за что награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и облечен званием Почетного шахтера. Своих ребят Алексея, Петра, Гришу, после того, как они заканчивали десятилетку, в институты сразу не отпускал. Каждый из них должен был сначала отработать два года в шахте на участке у отца — один забойщиком, другой слесарем, третий крепильщиком—и затем только получал отцовское благословение на отъезд в институт. И никто из трех братьев-инженеров не жалеет теперь, что прошел такой путь.

Разговаривая с нами, Григорий Иванович то и дело посматривал куда-то вверх. Мы проследили за его взглядом и увидели в левом верхнем углу кабинета три лампочки, смонтированные на щите одна над другой. Нуждихин объяснил их назначение. Вспыхнула нижняя — это там, внизу, на рудничном дворе, вошла в клеть вагонетка, нагруженная углем. Горит средняя — клеть движется по главному стволу. Загорелась верхняя — вагонетка поднялась, ее разгружают... Вспыхивают, горят, зажигаются лампочки,— значит, идет и идет уголек на-гора! И соответственно поднимается настроение у начальника шахты. Но вдруг гаснут: что-то случилось — мрачнеет начальник, берет телефонную трубку, звонит диспетчеру: в чем дело? Пока мы сидели у Нуждихина, а сидели мы у него часа три, только раз пришлось ему позвонить в диспетчерскую.

— Шахте нашей пять лет, — говорит Григорий Иванович. — Запроектировали ее на тысячу тонн в сутки. Но мы еще три года назад перешагнули через этот рубеж. А сейчас достигли почти двойной проектной мощности. За счет чего? Сказать об этом можно и коротко. Энергично боремся с водой, работаем по твердому графику цикличности, внедряем механизацию. Ну, а в жизни-то все, конечно, гораздо сложней, чем на словах. Шахта у нас трудная. О воде я вам уже рассказывал. А песок? Плывун... Неспокойная, ползучая над головой кровля. Успевай только крепить. За комбайном «Донбасс» крепильщики идут у нас вплотную. А как только снята лента угля, сажаем лаву. Что это значит? Крепежные стойки выбиваются, и кровля обрушивается над определенным выработанным пространством. Если своевременно не сделать этого, оставить пустоту незаполненной, огромное горное давление все сломит, все завалит вокруг. Есть такая профессия — посадчик лав. Не только опытным, но и очень смелым надо быть для этого человеком. Посадчику, как и саперу на войне, нельзя ошибаться. Наши посадчики действуют расчетливо, быстро, смело.

Нуждихин снова взглянул на сигнальные лампочки.

— Жду... Вот-вот должны доложить. Мы сегодня месячную программу закрываем. На два дня раньше. Утром звонил Алексей— тоже заканчивает. В воскресенье, значит, поедем к старикам в Богородицк. У нас уж такая традиция: если программу выполнили досрочно, отмечаем это событие на семейном обеде у отца с матерью... И они знают: не приехали — у кого-то с планом не ладно. Но такого случая давненько уж не было...

...Хотелось повидаться еще с Петром Жаболенко. Он первым экзаменовал на подмосковных углях комбайн «Донбасс». Сейчас Жаболенко испытывает новый проходческий комбайн, «ПК-3», сконструированный специально для Мосбасса с его сложными, слоистыми залеганиями. Эта машина выбирает уголь и породу раздельно, а не смешивая их в кучу, как было до сих пор.

Кто он, Жаболенко, по шахтерской профессии?

Разные люди говорили нам про него разное:

— Машинист комбайна...

— Электрик...

— Посадчик лав...

И все это правильно. Можно еще добавить: тракторист. Он был трактористом в колхозе.

На шахту № 1 треста «Молотовуголь» мы приехали на стыке смен. Начальник шахты Анатолий Дмитриевич Кульков сидел в нарядной и разговаривал по телефону с Жаболенко: тот звонил из штрека.

— Неплохо, — говорил Кульков. — Очень даже неплохо, Петро. Давай подымайся... — И уже обращаясь к нам: — Прошли за смену пять с половиной метров. Вполне приличная проходка... Они сейчас в самом дальнем штреке. Это километра два отсюда, как раз под зданием треста. Под начальство подкапываемся... — Кульков посмотрел на часы. — Минут через пятнадцать пойдем встречать именинников.

Жаболенко поднялся из шахты вместе с автором нового комбайна Валентином Ивановичем Абморшевым, бывшим московским шофером, ныне ведущим конструктором Гипроуглемаша. Конечно, они были усталые, грязные, конечно, им хотелось поскорее в баню. Но через плотное кольцо окруживших их людей пробиться было невозможно. Здесь были друзья Жаболенко, и в том числе второй испытатель комбайна Николай Сухоруков, которому предстояло спуститься в шахту лишь к ночи, но он не выдержал, прибежал из дому, чтобы узнать, как вела себя сегодня машина. Были здесь товарищи Абморшева по конструкторской бригаде, приехавшие с ним из Москвы.

— Коля,— говорил Жаболенко, наклонившись к Сухорукову,— веди штангу слева направо...

— Да, да! — подхватил Абморшев.— Петр Пантелеевич правильно нашел исходное положение. Вот взгляните...— Он вынул из кармана брезентовой куртки черный от угольной пыли блокнотик и тут же начал чертить, как нужно вести штангу.

Петр Жаболенко (слева) поднялся из шахты вместе с конструктором В. И. Абморшевым

— Ясно,— кивал Сухоруков.— Уголь-то вязкий... Понятно!

Через полчаса Жаболенко вышел из шахтерской бани чистенький, молоденький, в белоснежной яркорасшитой украинской рубашке.

— Ой,— сказал он, увидев нас,— опаздываю!..

Оказывается, в шесть часов в школе рабочей молодежи начинается выпускной вечер. Все эти дни, испытывая новую машину, Жаболенко и сам сдавал экзамены. Сегодня он должен получить «аттестат зрелости». Что ж, мы не стали задерживать Петра Пантелеевича, мы поздравили его, и он, оседлав мотоцикл, стоявший около проходных ворот, обдал нас бензиновым дымком, включил скорость — и был таков...

В Сталиногорске.

На завод часто приходят экскурсанты. Александр Георгиевич Стекленкин охотно рассказывает о своей работе. «Вот что такое «холява», — показывает Александр Георгиевич ребятам, пришедшим на экскурсию.
Фото Г. Санько.

У МАСТЕРОВ СТЕКЛА

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

1

Мещерские районы Владимирской области издавна знамениты производством стекла. Здесь расположен один из крупнейших центров нашей стекольной промышленности, Гусь-Хрустальный, а вокруг него — небольшие заводы в Курлове, Анопине, Великодворье.

Анопинский и Великодворский заводы специализировались преимущественно на выработке бутылок и банок, а в Курлове делали оконное листовое стекло.

Лет тридцать назад Курлово было маленьким рабочим поселком. В центре его стояла старая, почерневшая от копоти гута. Способ выработки оконного листового стекла здесь был «холявный», и единственным орудием производства служила трубка стеклодува — инструмент, известный еще в древнем Египте.

При помощи трубки мастер выдувал продолговатый стеклянный пузырь — «холяву». Пока стекло не остыло, у «холявы» отрезали дно и верхушку. Цилиндр разрезали по осевой линии и, развернув, проглаживали на ровном столе.

Это была очень тяжелая операция. Ведь каждая «холява» весила два с лишним пуда, а мастеру-стеклодуву приходилось нянчить ее на руках. Но главная трудность заключалась даже не в физических усилиях, а в том, что мастер без всяких контрольных приборов, руководствуясь только своей профессиональной смекалкой, должен был уловить те моменты, когда следует отрезать донышко и верх у «холявы», когда и как разгладить стекло на столе.

В Советском Союзе давным-давно уже стали применять машинный способ выработки листового стекла. В Гусь-Хрустальном был построен механизированный стекольный завод имени Дзержинского, оборудованный машинами. Тогда же началась реконструкция старого Курловского завода.

При машинной выработке трубка стеклодува уже исключалась. Над ванной печью, в которой находится вязкая масса расплавленного стекла, были установлены машины, непрерывно тянущие широкую стеклянную ленту. Для того, чтобы вязкое стекло приобрело форму ленты, в печи под машинами помещались огнеупорные «лодочки» с узкой щелью. Жидкое стекло поднимается через эту щель и подхватывается вальцами, которые увлекают стеклянную ленту вверх. По мере вытягивания стекло застывает, и от ленты отрезают уже готовые листы нужных размеров.

Специальные приборы автоматически регулируют температуру печей.

Механизация производства позволила резко повысить выработку стекла. Но и у этого, машинного способа есть свои недостатки. Дело в том, что щель огнеупорной «лодочки», формирующая стеклянную ленту, не может быть все время идеально гладкой. На ее бортах появляются маленькие щербинки, неровности, а от этого становится неровной поверхность стекла. Такое стекло для зеркал и витрин уже не годится. Его надо шлифовать, а шлифовка больших стеклянных листов — дело сложное и хлопотливое.

На Гусевском заводе года три назад установлен конвейер для автоматической шлифовки листового стекла. Но для этого пришлось построить новый цех длиною в четверть километра.

Однако есть и другой способ, позволяющий повысить качество стекла, добиться, чтобы поверхность его была абсолютно ровной и гладкой. Для этого надо отказаться от «лодочки» и тянуть стеклянную ленту прямо со свободной поверхности.

Ученые из Института стекла давно говорили, что теоретически это возможно, однако на практике безлодочного вытягивания стекла у нас не было. Ставились опыты на Константиновском заводе в Донбассе и на заводе имени Дзержинского в Гусь-Хрустальном, но эти опыты не давали положительных результатов. И только пять лет назад безлодочный способ вытягивания стекла был наконец освоен на двух небольших заводах — во Львове и в Курлове.

Теперь в Курлове машины тянут стекло без всяких «лодочек», причем такое стекло, которое не нуждается в полировке. Оно идет для витрин, из него делают зеркала, им застеклены широкие окна вагонов экспресса «Москва — Пекин».

2

Одним из пионеров применения нового способа выработки листового стекла является мастер Курловского завода Александр Георгиевич Стекленкин.

Родом он, как подсказывает уже сама фамилия, из семьи потомственных стеклодувов Гусь-Хрустального района. С юных лет Александр Стекленкин работал в гуте Анопинского завода. Но в годы первой пятилетки решил переехать в Курлово. Его привлекла сюда механизация, возможность поработать на машине. Природная сообразительность и пытливость помогли ему быстро освоить машину и стать мастером первой руки.

В то время скорость вытягивания стекла на машинах достигала 20 метров в час. По-нынешнему такие низкие темпы просто недопустимы. Теперь машины вытягивают за час по 80 и даже 100 погонных метров стекла. Тогда же и 20 метров считались большим достижением. Впрочем, курловские стекольщики не думали останавливаться на этом. Здешние мастера настойчиво стремились увеличить производительность новых машин. Одновременно надо было решать и проблему качества листового стекла. Этим-то и занялся мастер Стекленкин. Его захватила идея безлодочного вытягивания стеклянной ленты.

— Разве можно на маленьком нашем заводе добиться этого? — говорили некоторые из мастеров.— Ведь уже не первый год над безлодочным способом бьется знаменитый константиновский мастер Кочура, много опытов делали и гусевские мастера Пупленков и Новский, а так и не добились успеха.

Но Стекленкина горячо поддержал директор завода А. П. Луковников.

— Поезжай в Константиновку, в Гусь-Хрустальный, — советовал он,— присмотрись к тому, что там делается, и будем пытаться ввести этот метод в Курлове.

Почти месяц путешествовал курловский мастер по тем заводам, где велись опыты безлодочного вытягивания стекла, перенимая полезное, критически раздумывая над ошибками экспериментаторов.

В Гусь-Хрустальном новаторам помогали сотрудники Института стекла, но противодействовали руководители предприятия.

— Мы не против опытов,— говорили они,— но за план перед министерством отвечают не новаторы, а главный инженер и директор, и рисковать планом не будем...

Опыты на заводе были прекращены.

История древнего Рима рассказывает о том, как полководец Юлий Цезарь вопреки запрещению сената форсировал реку Рубикон, и этот решительный шаг обеспечил ему победу.

В стекольной промышленности и, в частности, у мастеров, обслуживающих машины вертикального вытягивания стекла, есть свое профессиональное выражение — «рубикон». Это критическая линия, перейдя которую жидкое стекло начинает застывать и обеспечивает непрерывную вытяжку ленты.

В Гусь-Хрустальном сторонникам безлодочного способа не удалось перейти «рубикон». Помешал свой заводской «сенат».

В Курлове же решили рискнуть.

Правда, на первых порах Стекленкина преследовали жестокие неудачи. Без «лодочки» стеклянная масса не хотела тянуться вверх или поднималась неравномерно и, не достигнув «рубикона», снова падала. Однако упрямый мастер продолжал свои опыты. Его настойчивость заразила других. Стекловары, механики, гончары помогали Стекленкину в поисках лучшего способа. Была придумана огнеупорная решетка, помогающая стеклянной ленте подняться вверх.

Как мать, протягивая руки, манит своего маленького ребенка стать «на дыбки», так курловские мастера «манили» вязкую стеклянную массу всякими поплавками и решеточками, чтобы она поднялась и пошла бы гладкой, широкой лентой вверх, к отрезным механизмам.

И наконец «рубикон» удалось перейти...

Первый лист стекла, полученный безлодочным способом, был чистым и гладким, будто шлифованным.

— Воздух! — воскликнул мастер.— Прозрачно, как воздух! Вот из какого стекла можно сделать

Но этого добились только на одной машине. Теперь перед заводом стояла задача перевести все производство на новую технологию.

Однако пришлось задуматься: переводить ли на новый способ сразу все машины с риском поставить под угрозу срыва производственный план или же осуществлять этот переход постепенно?

Решили опять рискнуть.

Расплавленное стекло бывает «коротким» и «долгим». «Коротким» принято называть быстро остывающее, а «долгим» — то, которое застывает более медленно. Это зависит от состава шихты, температурного режима печи и способов охлаждения ленты. Для безлодочного метода вытягивания более подходит «короткое». При лодочном предпочитается «долгое» стекло. Если часть машин перевести на безлодочный способ, а другую часть оставить на прежнем, лодочном, получится разнобой в требованиях к шихте и режиму печи. Это затруднит работу завода. Вот и решили: переводить, так уж переводить все машины.

Весной 1950 года Курловский завод целиком перешел на безлодочный способ вытягивания стекла. В первый же год это позволило резко улучшить качество выпускаемой продукции. Если прежде первым сортом проходила только четвертая часть всех стеклянных листов, то при безлодочном способе первосортного стекла стали получать более половины. Теперь уже по первому сорту проходит около 80 процентов курловского стекла.

В 1951 году мастеру первой руки Александру Георгиевичу Стекленкину за освоение нового способа выработки стекла была присуждена Сталинская премия третьей степени.

На маленький Курловский завод потянулись экскурсанты с больших стекольных заводов, посыпались письма из-за границы.

3

В солнечный день над Москвой ярко блестит высокий золотой шпиль нового здания университета.

Но это сверкает не золото.

Это — «золотое» стекло Курловского завода.

Дело в том, что курловские мастера сумели освоить не только безлодочный способ вытягивания, при котором стекло выходит естественно, или, как говорят, огненно, полированным. Там за послевоенные годы научились делать и декоративные стекла.

Для получения стеклянной массы в Курлове используют чистый люберецкий песок, донецкую соду, аральский сульфат и еще некоторые минеральные примеси. Добавив к этому составу углерод в виде обыкновенного древесного угля, здесь получили стекло золотистого цвета. Именно таким-то стеклом и облицован шпиль нового здания МГУ. Этот материал оказался прочней и красивей металла.

Опыты с получением «золотого» стекла открыли перед заводом неисчерпаемые возможности. Если удалось получить стекло золотого цвета, то, значит, можно создать и небесно-голубое, и яркокрасное, и вишневое, и фиолетовое,— словом, стекло любого нужного колера. Первый опыт дает нам право заглянуть в будущее, представить себе купола и даже стены зданий, облицованные нежнозеленым, сиреневым, розовым, золотистым стеклом. Их не нужно красить. Дождику легко смывать пыль с куполов, и они вечно будут сверкать, радуя взор человека. А какие великолепные витражи можно делать из разноцветных стекол, если наладить их массовое производство!

К сожалению, эти возможности не используются...

Недавно, будучи в Курлове, я встретился с мастером Александром Стекленкиным и главным инженером завода Н. Е. Окуневым. С горечью говорили они о том, что завод переживает сейчас тяжелое время.

Правда, стеклянных дел мастера здесь работают неутомимо.

— За сутки мы даем от 12 до 15 тысяч квадратных метров стекла,— сообщил Н. Е. Окунев.— На днях, например, отправили восемьдесят вагонов нашей продукции строителям на целинные земли. Что касается качества, то за последнее время завод жалоб не получает.

Главный инженер сообщил также, что в этом году завод начнет производство зеркал. Сейчас для этого оборудуется специальное помещение, разрабатываются способы серебрения и запекания зеркального слоя...

Но успехи новаторов требуют совершенствовать технику. Старая заводская «составная» уже не годится: она не позволяет быстро и правильно готовить шихту. Необходима также новая газогенераторная станция. Позарез нужно реконструировать систему охлаждения и вентиляции. Давно пора механизировать упаковку, чтобы на заводе не скапливалось много стекла, которое ручным способом не успевают упаковывать и отправлять туда, где нуждаются в нем.

— Может быть, кое-кто считает, что наш завод небольшой и возиться с ним нет резона,— сказал Стекленкин.— Но у народа есть мудрая поговорка: «Мал золотник, да дорог».

В самом деле, разве не дорого нам, что в маленьком Курлове удалось освоить большое, важное дело!

Если любишь меня

Слова Сергея ВАСИЛЬЕВА

Музыка Юрия МИЛЮТИНА.

1. Что такое верность,
милый друг?
Это путь по жизни
близких двух.
Это сердце к сердцу,
это на года
всюду только вместе,
рядом навсегда.

(Припев)
Если любишь меня,
если ждешь,
если места один
не найдешь,—
значит, в холод и зной
по дороге одной
неразлучно пойдешь
ты со мной.

2. Что такое дружба,
милый друг?
Это общих мыслей
ясный круг.
Как о ней ни думай,
как ни назови —
это чувство веры,
близкое к любви

(Припев)

3. Что такое счастье,
милый друг?
Это честность, радость
нежных двух.
Жажда жить, трудиться,
быть вдвоем и вновь
верить в прочность
дружбы и беречь любовь.

(Припев)

А. СОФРОНОВ

Фото автора.

III. Три дня в Бомбее

Когда смотришь на карту Индии, то невольно хочется побывать всюду: и на южной оконечности страны, где плещут темно-зеленые воды Индийского океана, и у предгорий Гималаев, и в знойной, шумной Калькутте, и на берегах медленной священной индийской реки Ганг. Любая поездка по этой замечательной стране открывает столько нового, такие заманчивые страницы неизвестной для тебя жизни!

Когда-то Бомбей был для нас далеким и несколько феерическим городом, о котором мы имели представление по книгам, не всегда правдивым, прочитанным в юношеские годы. Но даже сейчас, находясь в самой Индии, до тех пор пока не побываешь в этом чудесном городе, не сумеешь себе представить, что же это такое — Бомбей?

От столицы Индии Дели до Бомбея всего четыре часа полета. Двухмоторный самолет, поднявшись над Делийским аэродромом, устремляется на юг, и внизу, под крыльями, часа два простираются суровые, выжженные безжалостным солнцем желто-бурые поля, обдутые знойными ветрами, небольшие горы, каменные хребты, поросшие мелким кустарником.

Но чем ближе к Бомбею, тем больше зеленых просторов, пальмовых рощ, раскинувшихся на берегу Аравийского моря, которое сначала угадывается легким голубовато-серебристым маревом, а потом уже отчетливо вырисовывается тонким срезом песчаного желтовато-кремового берега с белым кружевным накатом волн. Самолет идет уже над самой линией берега, и, если смотреть в правое окошко, видны рыбачьи паруса над синим простором, а слева — плодородные земли, асфальтированные дороги, чистенькие, светлые дома и залитые водой поляны.

Уже совсем близко Бомбей. На какое бы крыло ни припадал самолет, со всех сторон открывается большой город, на окраине дымят фабричные трубы, дым висит на зеленых пальмовых ветках. Открывается дверь самолета, ты выходишь на Бомбейский аэродром и сразу чувствуешь, какой здесь влажный и душный воздух. Еще утром в Дели было сухо, легко дышать, а здесь кажется, что тебя завернули в горячую, влажную простыню.

Машина мчится среди маленьких домиков и хижин к острову, на котором расположен город. Собственно, острова как такового уже давно нет. Бомбей связан с материком широкими дамбами, на которых стоят дома и магазины, проложены дороги. Только рыбачьи хижины и сети, разбросанные на побережье, да черные рыбачьи лодки напоминают о том, что рядом море. В Бомбее есть полукруглый залив, вдоль которого расположены кварталы своеобразной архитектуры; ее не отнесешь ни к европейскому модерну, ни к традиционному индийскому зодчеству. Это, как здесь называют, европейская часть Бомбея. А сами бомбейцы, большие патриоты своего чудесного города, называют это место, особенно красивое по вечерам, когда зажигаются неоновые огни, «ожерельем Бомбея» или «жемчужным ожерельем». Особенно красив Бомбей с высоты Малабар-хилла, района особняков, где можно, стоя у каменного парапета, любоваться широкой панорамой города.

Бомбей — крупный торговый центр. Здесь много иностранцев. Много торговых кораблей покачивается в Бомбейском порту. Шумны торговые кварталы, особенно оживленна Электрическая улица, где тесно расположены небольшие лавочки, где висит в воздухе разноголосый говор множества языков. Индийская одежда часто чередуется с европейской, особенно там, где находятся комфортабельные отели. На зеленой площади среди пальм дети зажиточных родителей катаются на осликах. А совсем рядом, на улице, вы можете увидеть беженцев из Пакистана, которые пока вынуждены пользоваться случайным заработком.

В Бомбее «сухой закон» — в ресторанах нет ни вина, ни виски. Но стоит выйти на улицу из гостиницы — и немедленно подойдет какой-нибудь юноша и спросит: «Джентльмену не требуется виски, бренди? Все по умеренной цене...»

В Бомбее, так же как в других крупных городах Индии, идет большое строительство. Только что, видимо, построен около залива дом американской «Вакуум-компани» необычной, но удобной для бомбейского климата архитектуры. Весь он обведен косой бетонной решеткой, сделанной с таким расчетом, что ни один луч солнца не проникает в здание. Здесь же, рядом, возводят еще один дом. Полуобнаженные мужчины и женщины работают под рогожными зонтами и тщательно прикрывают голову от солнца: иначе может хватить тепловой удар. Полицейские тоже стоят на перекрестках под широкими зонтами.

В полдень, когда в Бомбее особенно жарко и влажный воздух неподвижен, можно увидеть, как у подъезда гостиницы «Тадж-Махал» люди спят прямо на камнях, спят на скамьях монахи в одежде кирпичного цвета, растрепав на груди черные бороды. Кое-кто забрался в железные диаметром метра в полтора трубы и спит в них. Но даже в полдень жизнь на бомбейских улицах не прекращается. Торгуют сластями уличные продавцы. Слепой инвалид продает разноцветные шары. Около банка останавливается машина, выходят вооруженные полицейские, они сопровождают мешки с деньгами. Идет асфальтирование дорог. Проносятся автомашины всех марок мира. Отстукивают время часы в часовых магазинах. В витрине одного из них выставлен большой циферблат, стрелки которого одновременно указывают время в разных городах. Написано: Лондон, Париж, Берлин, Рим и... Петербург.

А к вечеру, когда солнце опускается за накаленные крыши скается за накаленные крыши Бомбея и стихает городской шум, и в машинах направляются в одно из любимых мест отдыха — на Малабар-хилл, в Висячий сад. Когда мы спросили, почему сад называется Висячим, нам ответили:

— Внизу течет река, взятая в трубы, и весь сад этот на горе насыпан руками.

В субботний вечер особенно много отдыхающих в Висячем саду. Здесь яркие клумбы, много цветов и зелени, хорошо сделанные из зелени фигуры слонов и тигров. Люди приходят сюда, ведут неторопливые беседы, дышат свежим воздухом.

В бомбейском аквариуме вы увидите всех рыб Индийского океана и Аравийского моря. Мечутся за зеленоватыми стеклами среди водорослей небольшие акулы с присосавшимися к ним детенышами. В аквариуме прохладно. Посетители переходят из зала в зал, долго любуясь красивыми безделушками, сделанными из раковин.

Однажды мы зашли в обувной магазин, чтобы купить легкую обувь, соответствующую высокой бомбейской температуре. Магазины в Бомбее — это своего рода клубы. Сюда приходят семьями, рассаживаются, ведут долгие разговоры. Здесь есть особый, пожалуй, только Бомбею присущий обычай: в магазине вас угостят бесплатно холодным фруктовым соком. Тут шумно, весело, продавцы перебрасывают из рук в руки коробки с обувью, предлагая все новые и новые фасоны. Подошел хозяин магазина. Неторопливо примеряя нам туфли, он говорил:

— Советую вам покупать обувь только в моем магазине. У меня самая хорошая обувь и самый честный магазин. Вы не очень доверяйте продавцам других магазинов. Вы скажете, что вам нужен такой-то номер, вам скажут «хорошо», унесут, перебьют номер и принесут те же самые туфли. А еще вы можете налететь на обувь с картонной подошвой...

— Неужели так во всех магазинах, кроме вашего?

— О, нет, конечно, но все-таки приходите лучше ко мне.

Он почему-то принял нас за швейцарцев.

На улицах Бомбея.

— Ваша страна, — сказал нам хозяин магазина, — самая богатая в мире. Дайте нам кусочек вашего богатства.

— Что вы?! Нам кажется, что Индия — одна из самых богатых стран в мире. Богатство вашего народа под ногами, берите его.

Он внимательно посмотрел на нас и спросил:

— А вы не швейцарцы?

— Нет, не швейцарцы.

— Но кто же вы?

— Русские.

— О, тогда для меня понятно, почему вы так хорошо говорите о нашем народе!

В воскресный день с утра по почти пустым улицам машины идут в одном направлении — за город. Мы тоже отправились к бассейну Брич-Кенди. Когда-то богатый английский купец построил этот бассейн с одним условием: чтобы купались в нем только европейцы. Этот анахронизм сохраняется до сих пор. Рассказывали, что сюда недавно пришел какой-то очень смуглый американец. Контролеры его не пускали в бассейн. Он шумел, ругался, но контролеры были непреклонны. Тогда вконец взбешенный американец отправился к своему консулу, получил справку, что он «белый», и был торжественно пропущен на пляж.

Вокруг Бомбея немало и других мест отдыха. Одно из них — Джуху, милях в пятнадцати от центра города, на берегу Аравийского моря. За городом начинаются рощи кокосовых пальм. У пальм лежат целые горы кокосовых орехов. Дорога ведет к морю и выходит прямо на песчаный, вымытый волнами берег. Множество лотков, где продаются всяческие пряности и сласти. Бродят подростки с дрессированными обезьянами. Где-то поблизости спортивный аэроклуб, над пляжем то и дело проносятся учебные самолеты, уходя в море. Море здесь мелкое, надо долго идти, пока вода не дойдет до пояса. А далеко заплывать нельзя, потому что, как говорят, сюда заходят акулы.

У моря бомбейцы отдыхают семьями. Кто победнее, пользуется просто берегом. Кто имеет достаток, направляется дальше, туда, где среди высоких пальм расположена небольшая гостиница и ресторанчик для приезжающих. За столиками пьют чай, кофе, соки. Вдали серовато-синее, с розовыми закатными отблесками море. По берегу не спеша идут местные жители, на головах у женщин все те же медные кувшины в два этажа.

На балкончике гостиницы два торговца продают изумительной красоты скатерти, кружевные накидки, салфетки. Все это ручная работа. Торговцы не скучают, к ним то и дело подходят покупатели. Индийскими кружевами заинтересовалась группа французов. Они рассматривают скатерти, любуются тонкими узорами. Им явно нравятся кружева, но они торгуются, возвращаются к столикам, смотрят издалека на продавцов. Но, видя, что те не обращают на них внимания (они хорошо изучили психологию туристов), французы снова возвращаются, отбирают несколько скатертей, из маленьких сумочек достают индийские рупии. Торговцы равнодушно прячут деньги в бумажники.

Чем ближе солнце катится к горизонту, тем больше на берегу отдыхающих. Машина подходит за машиной, снуют бесшумные официанты, разнося чай, кофе, апельсиновый сок ядовито-желтого цвета. Лениво шумят волны Аравийского моря.

В этот вечер мы снова увидели воскресный Бомбей, его торговые кварталы, освещенные неоновыми огнями. Бакалея и мануфактура при этом свете кажутся особенно привлекательными. Если внешность людей от синего света проигрывает, то вещи выигрывают, они словно из какого-то сказочного мира.

Кажется, чуть ли не все жители Бомбея на улицах. На берегу залива, у гостиницы «Тадж-Махал», возле массивных, освещенных желтым светом Ворот Индии, толпы людей. Ворота сейчас ремонтируются и охвачены доверху железными лесами. Люди сидят — кто на скамейках, кто прямо на каменном полу. Бегают веселые, смеющиеся дети. В полутьме на черной воде скорее угадываются, чем видятся, силуэты парусных лодок, бесшумно плывущих по заливу. Невольно вспоминаешь уже привлекшую внимание картину советского художника Чуйкова «На набережной Бомбея вечером».

Известно, что Бомбей — один из главных центров индийской кинематографии. На экранах бомбейских кинотеатров идет много американских фильмов, но это еще не говорит о том, что они пользуются популярностью. Индийцы любят свой кинематограф.

Индийские киноактеры, побывавшие в прошлом году в Советском Союзе, с большой теплотой вспоминают об этой поездке. Ставший столь популярным у нас один из лучших индийских киноактеров, Радж Капур, живущий в Бомбее, по возвращении в Индию опубликовал несколько статей, в которых дал высокую оценку советской кинематографии и той сердечной встрече, которая была оказана деятелям индийского кино.

Демонстрация индийских фильмов в Советском Союзе и успех их у наших зрителей открыли дорогу индийским фильмам и в другие страны. Сейчас индийские фильмы идут и в Китае и в странах народной демократии. Начали покупать эти фильмы и некоторые капиталистические страны. Здесь очень недовольны отношением к индийскому кинематографу американских кинокомпаний, которые, заполняя экраны своими фильмами, не покупают индийских картин.

Мы встретились с известным индийским писателем Ахмадом Аббасом, автором сценария кинокартины «Бродяга». Аббас вместе с индийскими киноактерами побывал в прошлом году в Советском Союзе. В Москве сейчас выходят два его романа. Аббас, невысокого роста, очень живой, экспансивный человек, увлечен теперь работой над сценарием фильма об Афанасии Никитине.

— Вы себе представляете, — говорил он нам, — маленький русский мальчик у истоков Волги в школе слышит, что есть такая страна — Индия. Спрашивает: так ли это? Священник в школе отвечает, что за Ираном ничего нет, что за Ираном конец света.

Но мальчик слышит разговоры купцов, которые побывали во многих странах; они говорят о том, что и за Ираном есть земля, что там тоже живут люди. Мальчик по имени Афанасий отправляется в лодке вниз по Волге, но вынужден вернуться домой. Проходят годы, он вырастает, у него есть невеста. Но зароненные в детстве мечты о далекой стране чудес не дают ему покоя. И вот он снова на парусной лодке отправляется в опасное плавание. Его ждут труднейшие испытания. В Аравийском море его настигает буря, Афанасий Никитин терпит кораблекрушение. Волны моря выносят его на берег, где и находит его индийская девушка... Я хочу, чтобы эту роль играла Наргис... Девушка нравится Афанасию Никитину, но у нее есть жених. Они становятся друзьями. Я хотел бы, чтобы Никитина играл Черкасов, — говорит Аббас. — У нас его очень любят и знают.

Аббас весь в планах будущего кинофильма. Он говорит:

— Я думаю, что этот фильм должен быть нашим общим детищем. Я разговаривал с Джавахарлалом Неру, он мне дал много ценных советов, рекомендовал прочитать книги, где описана эпоха, связанная с появлением Никитина в Индии. Неру очень одобрительно относится к созданию фильма.

Аббас предложил нам посетить студию, в которой работает Бимал Рой.

— Он снимает сейчас новую картину. Это наш замечательный режиссер. Вы его знаете по картине «Два бигха земли».

Студия расположена на окраине. Пока доберешься до нее, видишь, какой большой город Бомбей: десятки кварталов сменяют друг друга, большие помпезные каменные дома, потом обыкновенные небольшие домики, а затем хижины, маленькие лавочки, дороги, забитые буйволами, впряженными в повозки...

На небольшой улочке киностудия, внешне ничем не примечательная. Маленькие павильоны — магазин игрушек, деревенская лавка, комната в индийском доме. В глубине двора в пестрых одеждах и тяжелых доспехах шагают по двору воины. Там снимается какая-то историческая картина.

Бимала Роя мы встретили в павильоне, изображавшем школу. По двору бегали ребятишки. За партой сидел толстый мальчик, рядом с ним худенький, с черными глазами. Здесь же, возле павильона, на крылечке стояла одетая в сари маленькая девочка с красивым, живым лицом.

Бимал Рой снимает фильм по известному индийскому роману «Дев Дас». Рой по-отечески нежно представил нам своих маленьких актеров: мальчика Рама Кумара и девочку Бэби Нат. Он сказал:

— Они не только хорошие дети, но уже и неплохие актеры. Бэби Нат, наверно, будет известной киноактрисой.

Мы присели на парту. Завязалась беседа.

— Сейчас я снимаю только первые эпизоды фильма, — говорил Рой. — Весь фильм будет готов через 6—8 месяцев. Пока мы снимаем экспозицию, играют дети. Потом дети «вырастут» и будут играть взрослые актеры.

Беседа становилась все интереснее, но мы понимали, что прервали съемку. На прощание Бимал Рой сказал:

— Дети хотят сфотографироваться с русскими гостями.

Щелкнул несколько раз фотоаппарат, и мы отправились обратно в город.

По дороге Аббас рассказывал историю Бомбея. Мы ехали по дороге, с двух сторон окаймленной высокими деревьями. Где-то высоко над дорогой кроны их соединялись, и казалось, что мы под сплошной зеленой крышей.

Аббас говорил:

Бомбей. Уголок парка.

В Висячем саду «Слон» из декоративных растений.

— Как приятно видеть такие деревья! А вы знаете, что англичане за годы своего владычества вырубили миллионы деревьев? Во многих местах из-за этих порубок началась засуха. Земля перестала быть плодородной. А что такое для нас засуха, известно. Это тысячи голодных людей, тысячи смертей. Теперь совсем иначе. Правительство издало закон, запрещающий порубки. Теперь мы думаем о том, как поднять нашу страну, как сделать весь народ счастливым.

Указывая на тонкий рисунок дерева, на котором не было ни одного листочка, но цвели ярко-красные, очень красивые цветы, Аббас сказал:

— Такое дерево растет только в Индии.

Мы проезжали мимо стоящих на приколе рыбачьих парусных судов. Аббас заметил:

— Они еще ходят в Индийский океан... Афанасий Никитин, — добавил он, — высаживался недалеко от Бомбея, может быть, он был в этих местах, на этом берегу, мимо которого мы сейчас проезжаем.

Конечно, три дня жизни в таком городе, как Бомбей, — это очень мало. Многого мы не видели. Но то, что увидели, еще и еще раз наполнило нас каким-то особым чувством познания нового. Навсегда останется в памяти этот большой город, живущий кипучей жизнью, очаровывающий каждого сердечностью своих обитателей.

IV. Патиала

И еще выдалось нам одно небольшое автомобильное путешествие в столицу штата ПЕПСУ — город Патиалу. Штат ПЕПСУ граничит с Пакистаном. Когда-то земли Пенджаба составляли одну провинцию, теперь часть их отошла к Индии, часть — к Пакистану. Это особенно заметно тем, кому, как и автору этих строк, приходилось бывать в Пакистане, в городе Лахоре.

Та же спокойная и красивая природа, широкие долины, небольшие речки, плодородные земли. И дорога, если ехать по ней долго, приведет в Лахор — второй город Пакистана, замечательный своей архитектурой и людьми, с которыми мы когда-то познакомились.

Теперь мы отправились в Патиалу для выступления на митинге, посвященном созыву конференции стран Азии по ослаблению напряжения в международных отношениях.

...Какую-то часть дороги мы ехали молча, потом наш спутник, ливанец Савайя, запел протяжную арабскую песню о том, что для влюбленных луна дороже солнца и кто влюблен, тот просит солнце, чтобы оно подольше не поднималось над пустыней.

С нами ехал один из депутатов индийского парламента, неразговорчивый, но очень симпатичный человек. Он молча прислушивался к песне ливанца и к нашим песням, которые мы вслед за Савайей начали мурлыкать в машине. Но когда мы, восторгаясь красотами природы, заговорили о том, что здесь, в этих местах, деревни выглядят богаче и зажиточнее, а поля кажутся более обработанными, чем к югу от Дели, индиец вступил в разговор:

— Да, земля здесь значительно лучше, и люди работают хорошо. Но нашим людям еще многого не хватает. Главное — у них еще не всегда есть уверенность в своих силах и сознание того, что они могут быть более счастливы, чем сейчас, и жить могут лучше, чем в настоящее время.

Попутчик наш не был коммунистом. Это был просто честный, хороший человек, всей душой желающий расцвета Индии, своей родины. Он предложил нам посмотреть Всеиндийскую выставку животноводства, открытую в Патиале.

На выставке было шумно. Радиорепродукторы разносили протяжные индийские песни, которые так полюбились нам за время жизни в этой стране. В огороженных загонах с железными перилами стояли коровы, быки, буйволы и буйволицы, собранные из различных штатов Индии.

Мы приехали неожиданно и без всякого предупреждения, но едва появились на выставке, как организаторы ее заметили нас, а узнав, что мы из Советского Союза, горячо пожали нам руки и вместе с нами пошли осматривать экспонаты.

Сопровождающий нас животновод говорил:

— Смотрите, эти коровы из Хайдерабада. Каждая корова дает 20 фунтов молока в день. Быки — отличное тягло.

Мы подошли к одному из крестьян, стоявшему возле своей коровы. Имя этого худого высокого человека со смуглой, загорелой кожей было Суродния. Мы спросили, сколько у него земли.

— Двадцать один акр.

— Хороши ли коровы?

— Получили на выставке премию.

Вот темнорыжие коровы, происходят они из Пакистана, дают до 60 фунтов молока в день.

— А это гордость Майсура, — говорил животновод, указывая на красивого, с горбинкой на шее быка.

Бык рыл копытами землю, сверкал дикими глазами. У него были крутые страшноватые рога.

— Это на самом деле наша гордость. Такому быку лучше не попадаться на дороге. Он убивает тигров и леопардов. Сам хозяин боится его.

Мы смотрели на быка: столько было силы и какого-то особого звериного изящества в этой мускулистой, массивной туше!

Пока мы стояли и смотрели на «грозу леопардов и тигров», за нами раздался шум, чей-то крик. Толпа, сопровождавшая нас, шарахнулась в сторону. Оказывается, из загона выскочила с обрывком веревки на рогах буйволица и толкнула кого-то в спину. Ее схватили за рога несколько человек, но буйволица мотнула головой, люди посыпались в стороны, и она понеслась по выставке.

Когда буйволицу поймали, животновод спросил:

— Хотите посмотреть скот одного помещика?

— Конечно.

Мы отправились к одному из больших загонов, расположенных чуть в стороне. Там было десятка два коров и быков. Среди коров, покрикивая на работников, ходил высокий, крепкий старик с белой бородой. Это и был помещик Садгуру Махарадж Протаб Сингджи.

Нам сказали:

— Это один из лучших животноводов Индии, наш неутомимый труженик по улучшению пород скота.

У помещика были большие, в трещинах, рабочие руки. Он ходил от коровы к корове, хлопал их по бокам и рассказывал о том, каковы достоинства каждой из них. Около одной коровы он задержался:

— Моя лучшая.

И, заметив фотоаппарат у одного из наших спутников, сказал:

— Сфотографируйте нас...

Остановились мы в правительственной гостинице штата ПЕПСУ, в небольшом, чуть запущенном доме бывшего магараджи, где на стенах висели портреты князей в шелковых и парчовых костюмах и картины, изображавшие охоту тигра на оленей. Вокруг дома — парк со сладко пахнущими, цветущими деревьями манго.

Едва мы появились в парке, как немедленно привлекли внимание школьников, бродивших по дорожкам небольшими стайками. Один из мальчиков спросил:

— Кто вы?

— Угадайте!

— Англичане?

— Нет.

Мальчики задумались. Мы помогли им:

— Мы из Советского Союза.

Мальчики изумленно заговорили:

— О, не может быть!

— Что вы знаете о нас?

Школьники смущенно молчали. Мы повторили вопрос:

— Что вы знаете о Советском Союзе?

Один из школьников, не поднимая глаз, несмело сказал:

— Очень большая страна. Там хорошо школьникам.

В руках у ребят были учебники: новая история и география Индии.

Нас пригласил к себе в дом министр налогов штата ПЕПСУ, приветливый человек. Во дворе его дома на зеленой лужайке под полотняным пестрым навесом стояли три стола с чашками чая и сластями. В стороне кружком сидело несколько пожилых женщин. Здесь же две девочки-подростка, дочери министра. По случаю нашего приезда хозяин дома пригласил гостей. Это были судьи, министры, заместители министров штата. Почти все они были в светлорозовых и голубых тюрбанах. Министр спросил нас:

— Как вам понравилась Патиала?

Я сказал, что это очень красивый город и что он мне несколько напоминает Лахор.

Все оживились.

— Здесь многие из Лахора. Раньше ведь это была одна провинция — Пенджаб, многие из нас учились в Лахоре.

Напротив меня сидел врач Сэд Тандон. Он закончил врачебный институт в Амритсаре. Сэд Тандон неторопливо говорил:

— Нам очень радостно, что в наш город приехали русские. Мы можем вот так сидеть и разговаривать друг с другом, о чем только захотим. Я, как врач, конечно, противник всяческой войны, я очень уважаю русских за их последовательность в защите мира.

Долго продолжалась беседа. Нам сообщили, что пора ехать на митинг. Мы пробирались по узким улицам. В переулках на велосипедах разъезжали люди и кричали в маленькие рупоры — приглашали жителей города на митинг.

Митинг был в небольшом парке. Около тысячи человек сидело на земле. Небольшую шаткую трибуну вплотную окружили люди. Прямо перед столом президиума, на деревянном помосте, рядом с нами, расположились черноглазые ребятишки. Они с любопытством рассматривали нас, подбираясь все ближе. В конце концов мы совсем соединились с теми, кто слушал ораторов, не было рубежа между нами и этими людьми хорошего индийского города Патиалы.

Ораторы требовали запрещения атомного оружия, осуждали тех, кто хочет с помощью военных пактов разъединить человечество и натравить одни народы на другие. На столе президиума синим пламенем горели лампы. Стемнело, и разглядеть всех сидящих на земле людей было невозможно, но мы слышали их одобрительный гул. Гул этот становился особенно громким, когда произносились слова о мире и дружбе между народами.

Когда кончились речи, на сцену вышли три индийца и, обняв друг друга за плечи, запели чудесную песню «Мы борцы за мир!». Хороши и незабываемы слова этой песни:

Мир защищаем мы, все
как один, все как один,
С гнетом боремся, все
как один, все как один.
Мы и в Корее, и в Индии мы,
В России, Китае, в Японии мы,
В Америке, Англии также мы,
Все честные люди мира — мы!

Слова этой песни как-то невольно напомнили разговор, который происходил в машине с нашим другом по дороге в Патиалу. Да, все больше людей на земном шаре понимает, какой большой силой стало трудовое человечество, раз и навсегда решившее, что мир — это самый хороший и самый чудесный способ жизни для тех, кто любит своих детей и думает о будущем.

На центральных улицах Бомбея

Фото А. Софронова.

Джуху, место отдыха жителей Бомбея.

Висячий сад.

На берегу моря.

Продавцы лакомств.

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки П. Караченцова.

Было раннее утро, и небо, промытое влагой и прохладой короткой летней ночи, сияло голубизной. Медленно двигалось небольшое облачко, круглая тень его падала на блестящую, тяжелую, как ртуть, воду пруда.

По пруду плавал черный лебедь.

Там было много всяческой птицы, начиная от краснокрылых фламинго с декадентски длинными ногами и кончая обыкновенными домашними утками. Все птицы занимались своими птичьими делами или просто сидели стайкой на острове. Один черный лебедь был беспокоен, точно компас. Он непрестанно двигался по пруду: то в одном конце, то в другом виднелась его по-змеиному тонкая, гордая голова с алым, пылающим клювом.

Недалеко от берега на маленьком острове сидели важные и задумчивые пеликаны. Они долго глядели в воду, потом неторопливо сошли вниз и поплыли строем, точно флотилия. Время от времени пеликаны, как по команде, разом опускали головы, раскрывая громадные клювы, словно сачки. Зазевавшаяся рыбешка вплывала прямо в клюв, пеликаны делали такое движение головами, будто кланялись, и плыли дальше.

В этот ранний час в зоологическом парке было совсем пусто, и я не без смущения подумала, что посетители, в общем, его не украшают.

Звери и птицы значительно лучше чувствовали себя наедине с водой, листьями и травами, с живым и сильным солнечным светом, с молчаливой природой.

Лишь изредка по дорожкам проходили уборщицы и работники парка — то с ведрами, то с метлами, то с кормом для зверей. И снова на песке аллей виднелись только подвижные тени да косые горячие солнечные лучи.

Большой старый орел, похожий на рыцарский герб, неподвижно сидел на толстой ветке, отполированной его могучими когтями до зеркальной гладкости. Из-за скалы, неслышно ступая на мягких лапах, вышел медведь и вразвалку зашагал вдоль глубокого рва.

Маленькая грациозная косуля, завидев меня, с детским любопытством вытянула голову, но тут же смутилась и ускакала прочь. Зебра, полосатая, как тент, паслась на лужайке. Откуда-то послышалось грозное и мощное мурлыканье. Быть может, это заговорил тигр? Звери начинали новый день, и я была свидетельницей их пробуждения...

По дорожке прошествовала маленькая толстая уборщица, держа подмышкой садовые грабли, и вошла в слоновник.

Под его гулкими вокзальными сводами стояла слониха Дженни. Она возвышалась там, словно утес. Вокруг нее, как заводной, бегал слоненок, неправдоподобно маленький рядом с матерью. На пористой и серой, как асфальт, коже слоненка виднелись редкие черные волоски.

Уборщица, открыв металлические ворота, вошла за высокую загородку, и я шагнула туда вслед за нею. Дженни, уставившись на меня маленькими свиными глазками, вздохнула, могучее дыхание обдало меня теплым ветром с ног до головы.

Толстая уборщица, что-то бормоча под нос, стала сметать граблями разбросанное по полу сено, а слоненок принялся кружить возле нее.

— А кто вчера мальчиковую шапку сжевал? — проворчала толстуха укоризненно.— Разве это подходящее дело для слона — чужие шапки кушать? Эх, ты!

Слоненок стал легонько приваливаться к ней, но уборщица ткнула его в бок локтем, и он остановился. Длинные серые его уши висели, как лопухи.

— Булку хочешь? — спросила уборщица строго.— Ты глазами не мигай, не подлизывайся...

Она протянула булку, слоненок осторожно взял ее хоботом и засунул в рот. Дженни продолжала стоять, чуть покачиваясь на месте. Толстуха, что-то приговаривая, наводила в слоновнике порядок. Слоненок теперь кружил возле меня, понемножку оттесняя от ограды. Он бегал, тряся ушами, высоко вскидывая ноги. Я помирала со смеху, глядя на его ужимки. И не успела я опомниться, как уже стояла далеко от ворот, а слоненок все кружил, оттесняя меня дальше и дальше, пока я не оказалась прижатой к самой стене.

Смысл происходящего не сразу дошел до меня.

Продолжая смеяться, я хотела пройти к воротам, но слоненок начал потихоньку приваливаться ко мне боком. В ту минуту я опустила глаза и увидела его ноги. Не поздоровится тому, на кого даже играючи наступит такая ножища... Я невольно попятилась, но дальше отступать было некуда: спина моя уперлась в стенку. Слоненок шумно вздохнул и еще придвинулся.

— Брысь! — закричала я дрогнувшим голосом.— Ишь какой!..

Толстая уборщица обернулась на мой голос и бросилась мне на выручку.

— А ну, давай отсюда! — крикнула она, замахиваясь на слоненка граблями.— Разыгрался... И вы, гражданочка, тоже хороши: лезете к слону без всякого соображения. В нем, если хотите знать, тонна живого веса, прижмет вас — одно мокрое место останется. А ему что? Ему ничего! Давай, давай отсюда, безобразник!..

И она сердито ткнула его в бок маленьким толстым кулачком.

Слоненок весело побежал к матери, которая все покачивалась на месте, точно огромный дуб под ветром. Я опрометью ринулась к выходу.

В это время в слоновник вошел высокий худой человек. Небольшая седая его бородка была сбита набок ветром, изрядно потертая коричневая замшевая куртка хранила следы трубочного табака и пепла. Широкие брюки болтались на длинных худых ногах. Лицо было в резких морщинах, но глаза смотрели хитро и весело, с юношеским насмешливым блеском.

Я узнала его: это был профессор Корень. Много лет подряд он руководил научной работой, ведущейся в зоопарке. *Он и жил на территории парка*, в маленьком домике рядом с лужайкой, где бродили за оградой олени.

— Здравствуйте,— сказал он мне суховато.— Догадываюсь, что привлекло вас сюда в столь раннее время. Ну, что же, это может оказаться интересным...

— Как бы не пропустить! — вдруг забеспокоилась толстая уборщица.— За слонами разве что увидишь?

— Начнется не раньше чем через полчаса,— сказал Корень, словно речь шла не о затмении солнца, а о спектакле.

Он мельком взглянул на часы и подошел к Дженни. Слониха уставилась на него маленькими лукавыми глазками и перестала качаться. Они долго и внимательно смотрели друг на друга, потом Корень пощекотал палочкой ее ногу где-то на уровне колена, и слониха села, растянув ноги по прямой линии, как балерина, которая делает «шпагат». Профессор с серьезным выражением лица, словно делал что-то важное, потрепал ее огромное серое ухо и отошел. Дженни, вытянув хобот, осторожно и нежно подула на него.

— Ну, что ж, пройдем по территории? — сказал задумчиво Корень.

Он направился к выходу, я зашагала вслед за ним. Слониха неторопливо встала. Когда я обернулась, она стояла на прежнем месте и

снова раскачивалась, как дуб под ветром.

Утро разгоралось, парк блестел и золотился от щедрого солнечного света. Из глубины аллеи нерешительно закуковала кукушка, суля кому-то долгую жизнь, и тут же, заглушая ее, раздался пронзительный металлический крик: это кричали попугаи.

На аллее, широко расставив ноги, стоял крепкий, мускулистый человек в голубой рубашке с двумя карманчиками и свободных полотняных брюках. Темные очки защищали его глаза от солнца, и я тотчас же с огорчением подумала, что у меня темных очков нет, а без них будет очень трудно наблюдать затмение. Подняв голову, человек смотрел прямо на солнце.

— Мой сын, Николай Евгеньевич Корень,— проговорил профессор, махнув в его сторону худой загорелой рукой.— Единственный отпрыск, так сказать. Прошу познакомиться.

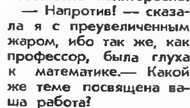
Единственный отпрыск повернул к нам голову и добродушно улыбнулся. На вид ему казалось лет тридцать. Он был не похож на отца — более широкий в плечах, коренастый, с короткими сильными ногами в спортивных башмаках. Но ироническая складка, порхающая в уголке рта, твердый подбородок да густые подвижные брови — все это как будто было отцовское.

Наступило молчание.

— Ваш сын работает по той же специальности, что и вы, Евгений Петрович? — прокашлявшись, спросила я, не зная, с чего начать разговор.

— Математик...— вздохнул отец.— Сейчас диссертацию пишет. Тема такая, что без рюмки водки и не выговоришь...— Он усмехнулся, и от этой быстрой, озорной усмешки лицо его сразу помолодело.— Я, признаться, в этой науке всегда был слаб,— сказал он заговорщицким голосом.— Сколько лет подряд он меня уверяет, что математика полна поэзии, а я все не верю...

— Старые семейные разногласия! — добродушно засмеялся сын.— Твоей гостье, папа, это абсолютно неинтересно.

— Напротив! — сказала я с преувеличенным жаром, ибо так же, как профессор, была глуха к математике.— Какой же теме посвящена ваша работа?

— Ну, это долгий и скучный для вас разговор...— Корень-младший махнул рукой. Но на его лице я увидела то виноватое смущение и скрытую застенчивую тревогу, какие всегда пробуждаются в человеке, когда разговор заходит о самом для него главном, самом заветном и он боится, что дорогое ему дело может показаться кому-нибудь неинтересным, незначительным...— Пройдемте лучше по парку,— добавил он.

Я не нашлась, что сказать. Сын взял отца под руку, и они зашагали рядышком по аллее.

Навстречу нам все чаще попадались девочки и мальчики в белых рубашках с пионерскими галстуками. Лица их были озабочены и исполнены серьезности. То и дело они значительно поглядывали на часы. У одних ребят часы были надеты на руку, причем по широте ремня, болтающегося на тонком загорелом, порядком исцарапанном запястье, можно было без труда догадаться, что часы отцовские и даны только на этот день. Другие с важностью лезли в карман, чтобы вынуть оттуда круглые, плоские часы, а то и лихо щелкнуть крышкой. У большинства же на шеях красовались обыкновенные будильники, повешенные на шнурок или веревочку. На ходу такой будильник качался из стороны в сторону, как маятник, а иногда с размаху гулко стукался о ребра владельца.

— Юные натуралисты...— сказал Евгений Петрович.— При исполнении обязанностей, так сказать. Будут записи делать во время затмения. Все запишут истово: как олень почесался, как мартышка чихнула...— Профессор покачал головой.— Но иногда, можете представить, такое подметит эта мелюзга, что просто диву даешься!

— Помнишь, каким я был юннатом? — задумчиво спросил Корень-младший.

Отец как-то странно покосился на него и ничего не ответил.

Мы дошли до лужайки. Впереди были видны огромные клетки, в самой крайней, недалеко от нас, лежал тигр. Он дремал, положив голову на вытянутые лапы. На секунду он приоткрыл глаза, в глубине рыжих зрачков я увидела такую холодную, злую силу, такую нелюдимую тоску, что по моей спине прошла дрожь.

— Не люблю я, грешница, тигров...— ни к селу, ни к городу пробормотала я и смутилась.

Отец и сын деликатно промолчали.

Отовсюду неслось то фырканье, то курлыканье, то визг обезьян, то воркование горлинок. Мы шли мимо вольер и клеток, мимо лужаек, по которым бегали на свободе животные... День был ясен, чист, безветрен.

И вдруг повеял легкий влажный ветерок, словно потянуло из погреба.

Солнечные блики, лежащие на дорожках, чуть потускнели. Два юных натуралиста, дежуривших у клетки с тигром, как зачарованные уставились на свои будильники и тут же принялись что-то лихорадочно записывать. Корень-младший поднял голову и глубоко, с удовольствием вдохнул воздух.

— Эге! — сказал он весело. — Начинается как будто?

Стало темнеть.

Это не была та пасмурность, которая приходит, когда небо заволакивает тучами. Не была это и осенняя хмурь с ее набрякшей, свинцовой чернотой. Это была скорее синева сумерек. И вместе с тем в ней не чувствовалось того кроткого, умиротворяющего покоя, какой приносит природа, готовящаяся к вечернему сну. Чем-то тревожным и мрачным веяло от густой сероватой синевы, ползущей по аллеям парка.

Пронесся, зашумев ветвями, порывистый ветер. И в его неожиданно резкой свежести тоже почудилось что-то тревожное.

Павлины, которые только что, распустив хвосты, разгуливали со своими павами по зеленой траве, взлетели на ветки, явно собираясь спать. Вслед за ними, поверив в приближение ночи, гуськом, опустив маленькие глупые головки, побежали к деревьям цесарки. На пруду уже не было видно беспокойного черного лебедя: очевидно, и он отправился к своему гнезду...

— А где дикобраз? — почему-то шепотом спросила я.

Клетка дикобраза, к которой мы подошли, казалась пустой. И вдруг послышалось легкое, осторожное постукивание лапок, короткое пофыркивание: из домика вылез его владелец. На длинных крепких иглах дикобраза, как бабочки на булавках, торчало несколько сухих листьев; когда он двигался, листья тихонько шуршали. Очевидно, и дикобраз, ведущий ночной образ жизни, решил, что день закончился, и отправился на обход своих владений.

— Ну, что вы скажете! — удивился Корень-младший. Он стоял, повернувшись боком к клетке дикобраза, и прислушивался.— Неужели и ночной бродяга поверил, что ночь наступила,— пошел к кормушке?

Отец ничего не ответил. Чем дальше, тем больше лицо его мрачнело. Евгений Петрович явно был чем-то недоволен. Издали послышался величавый, грозный звук. Протяжный, с долгими рокочущими перекатами, он нарастал, усиливался, потом перешел в глухое басовое ворчание. Это львы начали вечерний концерт.

Сумерки совсем сгустились.

Тяжелое, темное небо низко висело над деревьями. Оно не сулило дождя с его освежающей, душистой прохладой. Оно не обещало ни молний, ни орудийных раскатов грома. Это было бесплодное, пустынное, глухое небо, несущее только мрак.

Солнце закрылось почти полностью. Выбиваясь из-под тяжелой тени, щемяще пылал раскаленный добела узкий серпик — все, что осталось от дневного светила.

Но потом померк и он.

Павлины засунули головки под крылья, их хвосты свисали с веток вниз, как роскошные опахала. Рядом на ветках спали цесарки.

Профессор презрительно покосился на них.

— Я понимаю, куриные... — сказал он, пожимая плечами.— Этих дураков легко обмануть, они поверят чему угодно. Голову под крыло — и спят! — Профессор помолчал.— Но непарнокопытные! — с ударением сказал он и возмущенно посмотрел на зебру.— И она туда же, решила, что наступила ночь... Нет, никогда, никогда не ждал я такого поведения от зебры!

И он отвернулся.

Под деревом с павлинами стоял мальчик. Он ожесточенно тряс свой будильник, подносил его к уху и снова тряс, но будильник был глух и неподвижен. Отчаявшись, юный натуралист бросил неравную борьбу, и остановившийся будильник бесцельно повис на его груди, тяжело оттягивая шнурок. Поглядывая на павлинов, мальчик принялся что-то торопливо записывать. Но от резкого нажима карандаш сломался.

Глаза юнната наполнились слезами. Стараясь не мигать, он глядел блестящими от слез глазами на тетрадь и упрямо продолжал царапать бумагу сломавшимся карандашом.

Рыжая быстроглазая девочка, такая голенастая и неуклюжая, какой только может быть девочка в двенадцать лет, тоже подошла к дереву с павлинами.

— Митя,— сказала она робко,— ты не расстраивайся. Ты смотри на мои часы, Митя, я стану рядом... Хорошо, Митя?

Митя что-то угрюмо буркнул и отвернулся. С упорством отчаяния он продолжал царапать бумагу обломком карандаша, но в тетради оставались только косые рваные рубцы и извилистые вмятины.

— Возьми мой карандаш, Митя! — преданно сказала девочка. Она глядела на него полными любви и восхищения глазами. Девочка вся преобразилась, похорошела, веснушчатые щеки ее покрылись румянцем.— Возьми, пожалуйста! — повторила она, сияя.— А я и без

карандаша, я как-нибудь так запомню... Хорошо?

Митя, не глядя, взял из ее рук карандаш.

— Ладно,— сказал он сердито.— Становись рядом. Только не мешай записывать, слышишь? И головой не крути, а то я отвлекаюсь...

— Я не буду мешать, Митечка...— чуть слышно сказала девочка. Она стала рядом с ним под деревом и замерла, благоговейно и счастливо глядя, как Митя, наморщив лоб, сосредоточенно записывает свои наблюдения.

А поодаль, у куста жасмина, стоял другой мальчик.

Он не смотрел на часы и ничего не записывал. Он, очевидно, даже не слыхал, о чем говорил Митя со своей подругой. Широко раскрытыми, блестящими глазами он глядел на преобразившийся мир, всем существом уйдя в созерцание происходящих в этом мире необычайных событий. Он слушал шум ветра, шелест трав, скрип песка, он вдыхал влажный, посвежевший воздух, душа его была потрясена тревожной, небывалой мглой, пустынным небом, тенью, поглотившей солнце... Весь вытянувшись, побледнев от волнения, как завороженный, стоял он у цветущего куста.

— Узнаю поэта...— негромко сказал Евгений Петрович, глядя на него.

— Ты о чем, отец? — ровным голосом спросил Корень-младший. — О чем ты говоришь?

По лицу отца прошла тень. Он быстро поглядел на сына и отвернулся, ничего не ответив.

Мы подошли к высокой загородке, за которой беспокойно бегало несколько больших собак. Они то останавливались и, задрав длинные головы, тревожно нюхали воздух, то снова принимались бегать из угла в угол. Беспокойство, разлитое в природе, повидимому, передалось им, и рослые, поджарые псы, толкая друг друга, носились вдоль загородки.

Профессор, открыв своим ключом калитку, вошел туда, опершись на руку сына. Я сунулась вслед за ними: собаки меня ни разу в жизни не кусали, и я не боялась их.

— Это волки,— сухо сказал профессор.— Не советую вам, знаете...

Попятившись, я остановилась у ограды. Большой волк с широкой, выложенной мускулами грудью подбежал к профессору, подпрыгнув, уперся ему в грудь лапами и глядел темными, горячими глазами прямо ему в лицо, словно ждал от человека объяснения и своей тревоге и непокою, обуявшему природу. Профессор очень серьезно и, как мне показалось, уважительно смотрел на волка и что-то тихонько приговаривал.

— Ну, успокойся, умница...— послышалось мне.— У, какой красивый, какой ласковый...

— Размяк отец! — засмеялся Корень-младший.— Нашел наконец среди всех своих подопечных существо с понятием. А волки даже в затмении солнца разобрались: умны, как дьяволы...

Он стоял посреди загородки, грызя травинку. Волки, видимо, давно привыкнув к нему, не обращали на него никакого внимания, но и не подходили, как к Евгению Петровичу. Насторожив уши и опустив хвосты, они попрежнему тревожно нюхали воздух. Лишь самый большой смирно стоял, прижавшись к ноге профессора.

Ветер утих, но неожиданно наступившая тишина казалась тягостной.

Краски природы поблекли, будто их затянуло пеплом. Исчезло все, чем так щедро и радостно обласкало нас утро: и птичий щебет, и подвижные тени на дорожках, и золото лучей, и высокая синева неба.

Все покрыла тусклая, серая мгла. В ней было что-то мертвое и безнадежное. Страх коснулся моей души. Мне вдруг начало казаться, что я никогда больше не увижу солнца.

В смятении я посмотрела на Николая Корень.

Он о чем-то задумался, попрежнему грызя травинку. Свежее, твердо очерченное его лицо было внимательно и спокойно: он слушал голос природы. И от его коренастой фигуры, от больших, сильных рук, от того, как внимал он живому дыханию жизни, на меня повеяло таким хозяйским спокойствием, такой победительной силой, что я устыдилась своей душевной слабости.

Глубоко вздохнув, я тоже прислушалась.

Мне почудилось, что в глубине ветвей я различаю робкую, тихую возню, шуршанье, короткий сонный щебет. За верхушками деревьев по небу двинулась еле заметная голубизна. Она ширилась, как бы смывая пепельный, мертвящий налет. Солнце еще было закрыто тенью. Но в ветвях деревьев все усиливались шуршанье, тихая возня: птицы чувствовали возвращение света.

Тонкий луч, похожий на золотую проволоку, протянулся сквозь ветви на аллею. Из-под тени медленно показался узкий расплавленный серпик. По небу осторожно, как бы пробуя силу, разливалось розовое тепло.

На наших глазах происходило великое чудо жизни.

Краски менялись: небо стало розовым, тропинки — синими, деревья — золотыми. Мягкий утренний ветер тронул листву, и она ответила ему доверчивым шелестом. Звонко и счастливо запела первая птица. Синие тени на дорожках таяли — теперь синева все шире захватывала небо.

И вдруг, наконец прорвавшись, хлынул с неба могучий, сверкающий поток света.

И тотчас же все ожило.

На дорожках замелькали тени, вспыхнул пруд, отражая солнечные лучи. С низким виолончельным гуденьем пролетел шмель. Павлины, тяжело слетев с ветвей, как ни в чем не бывало двинулись на лужайку. Беспокойный черный лебедь снова начал кружить по блестящей воде.

Легкие, как бы дымящиеся блики легли на стволы деревьев. Утро поднималось над землей, дыша теплом и благоуханьем.

Профессор стоял, подняв голову к небу. Никогда не думала я увидеть на этом сухом, жестковатом лице такое бесконечно мягкое, почти детское восхищение.

А его сын все продолжал слушать голос природы. Он глядел прямо на солнце сквозь свои черные очки. Лицо его было залито светом.

— Ну, что вы видите?— спросила я его нетерпеливо.— Совсем кончилось затмение? Как жаль, что у меня нет темных очков! Расскажите же, что вы видите?

Николай Корень молчал. Я повторила вопрос, сердито уставившись на него, и вдруг запнулась.

Меня поразила странная неподвижность его лица. Он не щурился от солнца; ничто в его чертах не отвечало игре лучей, ничего не отзывалось на них. Это было лицо человека, который не видит солнца, а только осязает его тепло.

Я стояла, оцепенев, не в силах поверить своей догадке. На мою руку осторожно легла сухая горячая ладонь; Евгений Петрович отвел меня в сторону.

— Дело вот в чем...— тихо сказал он, глядя куда-то вбок, и умолк.

Мимо нас с видом победителя прошел Митя с рыжей девочкой, держа в руках густо исписанную тетрадь. Синица, вертя головкой, охорашивалась на ветке. Мелькая, как язычок огня, внутри вольеры промчалась белка. Над прудом медленно плыло наполненное светом облако.

Это была жизнь во всей ее теплой прелести, в бесконечно милых, обыденных подробностях.

Я смотрела на человека, который ничего этого не видел: ни красок неба, ни цвета листвы, ни рисунка теней, ни объема облака. Он не видел, как вернулось солнце, как хлынули, сияя, солнечные лучи. И сердце мое содрогнулось, когда я поняла это.

— Он потерял оба глаза в сорок четвертом году, после ранения,— неловко сказал Евгений Петрович, попрежнему не глядя на меня.— Уже будучи слепым, кончил университет. Как вы изволили слышать, защищает диссертацию. Ни от чего не хочет отказаться: ходит плавать в бассейн, зимой катается на коньках... Молодчина в общем...— сказал он, покашляв, и замолчал.

Обернувшись, он посмотрел на сына.

Тот стоял, подставляя лицо теплоте лучей. На щеках его лежал смуглый молодой румянец. Евгений Петрович глядел на него с нежностью, с гордостью... Сын провел по лицу рукой, будто умылся солнцем, и осторожно шагнул вперед.

А отец все глядел на него, не отрывая глаз. Он словно хотел впитать идущий от сына ясный и чистый свет духовной силы — великий свет, который может озарить путь человеку даже тогда, когда у него навеки отнята бессмертная краса торжествующего солнечного дня.

СОЛДАТ МИРА

Во французской литературе есть имена, дорогие не только Франции, но каждому, кто желает мира, справедливости и счастливой жизни всему человечеству.

Рядом с именами Анатоля Франса, Ромена Роллана в XX веке сияет имя Анри Барбюса — писателя, борца, нашего верного друга и соратника. Когда люди старшего поколения произносят имя Барбюса, они возвращаются к дням своей молодости. В памяти возникает лето 1919 года, библиотека политуправления военного округа, пачка книг, только что доставленная из Москвы, и среди этих книг «В огне» Барбюса. Эта книга дошла до нашего читателя, когда молодая республика, советский народ с оружием в руках отстаивали завоевания Октября. Книга Барбюса «В огне» — талантливая и честная книга о первой мировой войне. Она возбуждала справедливый гнев против тех, кто разжег пламя войны. А тех, кто в дни гражданской войны сражался с контрреволюцией, книга Барбюса звала к борьбе за лучшее будущее человечества.

И потому автор книги «В огне» близок и дорог нам, он стал другом нашего народа, и это был верный друг.

Впервые я увидел Барбюса в Париже на митинге, на трибуне. В зале сидели люди в скромной, поношенной одежде — рабочие, их жены. Народ называл писателя «наш Барбюс», и в этом было заслуженное широкое признание. Своим присутствием он придавал высокое значение митингу рабочих и интеллигенции, вставших на защиту культуры.

Барбюс говорил, что цель заключается в том, чтобы сблизить интеллигенцию с рабочим классом, объединить эту интеллигенцию и призвать народ к защите культуры от опасности империалистической войны. Элементы этого объединения он видел в день годовщины взятия Бастилии, 14 июля, когда рабочий, врач, ученый, литератор, художник, служащий выступали единым фронтом...

Кончился митинг. Барбюс стоял, окруженный товарищами, усталый, откидывая тонкую прядь волос со лба, вытирал пот, теряя, казалось, последние физические силы. Но в тот же день его можно было увидеть на заседании Общества друзей китайского народа. Всем сердцем он желал свободы и независимости великому китайскому народу. Жаль, что он не дожил до дней, когда Китай стал независимым и свободным.

Барбюс — писатель, литератор — всей своей жизнью доказал, что писатель не может не быть общественным деятелем, гражданином своей родины, пламенным патриотом. Борец за счастье человечества, он сражался любимым своим оружием — словом. Это был писатель в самом высоком смысле слова: он никогда не оставлял пера. В последние годы жизни он работал над комментариями к переписке Ленина с родными, тогда же он создал книгу о продолжателе дела Ленина — Сталине.

Мне доводилось видеть Барбюса и в Москве. В то время он был целиком увлечен подготовкой Международного антифашистского конгресса писателей в защиту культуры.

— Трудность нашего дела, — говорил он, — состоит в том, что нам предстоит объединить разрозненных, избегающих общения друг с другом литераторов разных художественных направлений, разных национальностей... Их надо призвать к благородному делу — к защите всего прекрасного, что создало человечество...

Он стремился объединить всех честных художников для защиты завоеваний культуры от фашистского варварства.

Анри Барбюс.

Разве эти стремления Анри Барбюса утратили свое значение в наши дни, в дни, когда для защиты дела культуры и мира объединились люди разных наций, разных религиозных, философских и политических воззрений?

По опыту первой мировой войны Барбюс знал, какие жертвы несет в войне молодежь. Он много думал о судьбах молодого поколения и деятельно готовил созыв конгресса молодежи.

В Париже Барбюс показался мне усталым, измученным работой; здесь, у нас, он выглядел помолодевшим: писатель как бы обрел новые силы. Его окрыляла и радовала бурная, творческая жизнь нашего народа, который он полюбил и в который крепко верил.

В ту нашу встречу он много говорил о новом романе, в котором не будет так называемых героев, а будет действовать целое поколение. Фоном романа должна была явиться эпоха, пережитая его современниками. Этому труду Барбюса не дано было осуществиться.

Он говорил о будущем, говорил молодо, страстно; и трудно было верить, что за его плечами шестьдесят лет жизни, десятки лет борьбы, испытаний, творческого труда. И потому такой неожиданной и горестной для нас была кончина Барбюса. Мы проводили его в последний путь на родину, в Париж. Там, над могилой Барбюса, склонили знамена его сподвижники, друзья, все, кто знал, любил и почитал его, писателя, человека, благородного сына Франции.

Всей своей жизнью он доказал, что победит справедливость, победит мир, потому что бессмертны идеи, которым служил до последнего своего дыхания солдат мира Анри Барбюс.

Л. НИКУЛИН

Писатели и книги

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Есть книги, которые как друзья входят в ваш дом и навсегда остаются в памяти. Можно забыть отдельные эпизоды такой книги, забыть даже название, но герои ее будут всегда жить в вашем сердце, и вы вспомните о них, как о чем-то милом и близком.

Со страниц книги уругвайского писателя Альфредо Д. Гравины «Границы, открытые ветру» встают мрачные картины жизни крестьян-пеонов. Беспросветна, безрадостна их жизнь. Нескончаемой вереницей утомительных дней, полных каторжного труда, унижения и бесправия, тянется она, и впереди не видно «перспективы иного дня, дня, свободного для крика радости, для шумного праздника... для полного отдыха...»

Гравина обличает произвол богачей-феодалов. Страшные преступления, разврат, насилие, полное равнодушие к своей родине — вот отличительные черты этих людей, вся жизнь которых — стремление к наживе. Писатель противопоставляет этому страшному миру душевную красоту и глубокую человечность крестьян-пеонов. Люди с чистым и горячим сердцем, добрые и простые, часто во многом наивные, они связаны крепким чувством товарищества; их отличает высокое понимание своего долга, способность к глубокой и чистой любви. Автор любуется ловкими, точными движениями молодого батрака Хуана во время работы. Он заслуживает симпатии пеонов своей сноровкой и трудолюбием. Глубоким уважением к мастерству старого труженика звучит каждое слово писателя, когда он рассказывает о батраке Лорена, который «не выносил лентяев, составлявших для него одну из величайших тайн создания».

Но все эти честные люди долгими годами нужды и лишений приучены безропотно подчиняться воле хозяев. Нелегко было пробудить в них стремление к борьбе.

Главный герой романа — Хуан Мендес — проходит сложный путь развития. Этот добрый, умный и работящий парень остро чувствует несправедливость, страдает от произвола и насилия хозяев. Однако вначале он еще политически незрел, ему трудно понять, кто истинный виновник всех его бед. Когда богатые развратники безжалостно растаптывают его светлое чувство к Бените и хотят увезти ее в Монтевидео, молодой батрак предлагает любимой бежать, но она не смеет ослушаться хозяев. Хуан в отчаянии уезжает в «крысиный поселок». Жизнь обитателей поселка заставляет Хуана о многом призадуматься. Долгие беседы со школьным учителем и встречи с рабочими помогают ему стать организатором пеонов, требующих от хозяина повышения оплаты их труда. И пусть победа, достигнутая пеонами, не так уж велика, значение ее огромно: люди впервые подняли голос в защиту своих прав.

Тепло рисует писатель образ Бениты. Нежная, доверчивая, выросшая в рабстве, она сначала и не помышляет о сопротивлении, но постепенно освобождается от своего извечного страха перед хозяином и решается помочь Хуану в его борьбе.

Альфредо Гравина умеет несколькими скупыми мазками обрисовать характер героя. Всего только два раза появляется в романе скромный, незаметный пеон по прозванию «Рыжий». А читатель успевает полюбить его. Немного говорится в романе об учителе, сыгравшем большую роль в формировании характера Хуана. Но ярко и живо вырисовывается перед нами образ этого человека, «хорошего парня», как называли его пеоны.

Роман Гравины «Границы, открытые ветру» вышел на русском языке в переводе мастера художественного перевода, ныне покойного Б. Загорского.

Е. КОЛЧИНА

Альфредо Д. Гравина. Границы, открытые ветру. Перевод с испанского Б. Загорского. Издательство иностранной литературы. Москва. 1954. 318 стр.

Певец народного счастья

Маленькая Адыгея — неистощимый источник устного народного творчества. Из поколения в поколение хранителями и творцами новых песен были джегуако — народные певцы. Здесь и поныне чуть ли не в каждом ауле среди пожилых колхозников можно встретить своего джегуако.

Цуг Теучеж — самый прославленный джегуако, справедливо названный адыгейским Сулейманом Стальским. Он был поистине певцом своего народа, выразителем его сокровенных дум и чаяний. Его смелая и гневная песня впервые прозвучала в семидесятых годах прошлого столетия, когда адыгейский народ, угнетенный князьями, дворянами-уорками и царским самодержавием, прозябал в нищете и невежестве.

Талант Цуга ярко расцвел в годы советской власти. В первой своей песне советских лет Цуг говорит о новой, счастливой жизни, о дружбе народов, о новых, коммунистических идеях:

Я мысль родных учителей
Хочу вместить в своем уме.
Я слушал Ленина призыв,
Как ветра шум и гром грозы.
И Сталина всесильный клич
Всем сердцем я хочу постичь.

Цуг был не только мастером эпического повествования, но и мастером лирической песни. В поэме «Восстание бжедугов» мы находим немало проникновенных слов о любви героев — Прины и Мамука.

Вдохновенно поет Цуг о том, что глубоко волнует народ, живо откликаясь на важнейшие исторические события.

В преклонном возрасте он узнал поэзию Пушкина, испытал его влияние и посвятил великому русскому поэту прекрасные стихи:

Мы любим Пушкина, горим
его огнем.
Его наследье верно бережем.
Я каждый день шепчу земле
привет
В час тишины, когда встает
рассвет.

Советское правительство наградило прославленного ашуга орденом Трудового Красного Знамени.

«Я сейчас не имею права умирать, раз моя песня нужна народу», — говорил поэт.

Песни Цуга являются подлинно народными песнями: с любовью поют их колхозники, учащаяся молодежь, промысловые рабочие Адыгеи, Черкессии, Кабарды.

В августе 1955 года исполнилось сто лет со дня рождения поэта.

Литературное наследство Цуга прочно входит в сокровищницу советской многонациональной поэзии как подлинно поэтический голос народа, раскрепощенного Великим Октябрем.

Б. БАССАРГИН

О чем рассказала книга «Скорой помощи»

Недавно один из сотрудников Государственного музея обороны Одессы узнал, что городская станция «Скорой помощи» хранит книги вызовов начиная с 1903 года. Заинтересовавшись этим, сотрудник музея особенно тщательно просмотрел книгу вызовов за 1905 год, насыщенный революционными событиями.

Вначале шли обычные записи: перелом ноги, отравление, обморок. Но через несколько страниц сухая, официальная регистрация несчастных случаев превратилась в живую картину незабываемых дней революции 1905 года в Одессе. Вот она:

«14-го июня. 5 рабочих ранены. Раны головы и живота. Налетел казак и смял».

«15-го июня, 8 час. 17 мин. вечера. Брошена бомба, раненых 7 человек: 4 жандарма, 2 надзирателя и случайный прохожий».

«15-го июня, 8 час. 30 мин. Диагноз и причина случая — залп в толпу. Избито нагайками и побито штыками 26 человек, из них два человека убито. Занятия больных — рабочие, матросы, студенты».

«17-го июня, 3 часа 58 мин. Полиция вызвала на Таможную площадь. Пострадавший — Гаврилов Василий, броненосец «Потемкин». Занятие больного — матрос. Диагноз — огнестрельное проникающее ранение головы и ушиб лица. Стреляли солдаты. Дальнейшая судьба больного — доставлен на станцию, откуда отправлен в Городскую больницу в неопределенном состоянии. Был ранен 16-го июня вечером, пролежал на площади до 4-х часов утра».

Другая книга за тот же год называлась «Для выдающихся случаев». Кто-то красивым почерком записал:

«19-го января 1905 года. На Полицейской площади револьверной пулей ранен неопасно в спину одесский полицмейстер Н. Головин».

Среди более поздних записей есть такие:

«14-го июня. Беспорядки в городе. В течение дня несколько стычек публики с полицией, войсками и казаками. Вечером на Соборной площади была брошена бомба, от которой пострадало 3 человека, убит городовой. Всех пострадавших в стычках было 10 человек из публики, трое из полиции и 2 военных».

«15—16 июня. Вечером 15-го брошена бомба на Екатерининской площади. Пострадало легко 10 человек: шесть казаков, 1 околоточный надзиратель и 3 из публики. В ночь с 15-го на 16-е — грандиозный пожар в порту, беспорядки в городе. Войска стреляли в порт с Николаевского бульвара. Три кареты станции и 10 врачей работали беспрерывно 14 часов в порту, где устроены были перевязочные пункты. Всего за 2 дня было 82 пострадавших. В 21-м случае застали трупы. За 2 дня поступило: пробитая пулей фуражка портового стражника, убитого около Карантина; обломок шашки, которой избивали рабочего на Польском спуске; папиросник, кошелек, лента георгиевская с надписью «Князь Потемкин Таврический», принадлежавшие тяжело раненному матросу с броненосца «Потемкин».

Как оказалось, эта матросская лента, на обороте которой была надпись «В. Гаврилов», не исчезла: она обнаружена в архивах музея обороны Одессы.

В последующих записях читаем:

«14-го октября начались беспорядки. На Канатной улице у гимназии Березиной избито полицией 6 душ учащихся».

«16 октября. При возведении баррикад пострадало 47 человек, преобладали огнестрельные ранения».

«19 октября. В течение дня пострадавших было 129 человек».

Книга заканчивалась словами: «В 1905 году было 4124 случая, а со дня основания станции — 8 947».

Г. ЖУКОВ

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

Валентина Мазур.
Фото Г. Санько.

В прошлом году Аркадий Николаев окончил десятый класс в уральском городе Троицке. В школе он увлекался техникой, математикой и черчением. А заявление подал в... Челябинский медицинский институт. Дело в том, что там решили учиться его школьные приятели, да и Челябинск близко от Троицка, и вообще «надо же было куда-то поступать...»

Но в институт Аркадий не попал: не прошел по конкурсу. Он вернулся домой. «Отец твой был рабочим, я шахтером,— сказал ему дед,— иди и ты по нашей фамильной линии, поступай на завод».

Аркадий уехал в город Миасс и был принят в техническое училище при Уральском автомобильном заводе имени И. В. Сталина.

Вместе с ним в девяти группах начали заниматься еще двести вчерашних десятиклассников, приехавших из разных уральских городов.

В отлично оборудованных кабинетах училища инженеры и преподаватели читали лекции по технологии машиностроения, теоретической механике, электротехнике; в цехах лучшие рабочие помогали новичкам освоить будущую профессию.

Однако вначале многие были разочарованы. «Мы неудачники,— говорили они.— Мечтали об институте, а теперь изучаем слесарное дело».

Шли недели, месяцы. Настроение менялось. Научились работать на станках, подружились со многими рабочими, узнали и полюбили свою профессию.

Сейчас техническое училище готовит первый выпуск. Сто тридцать квалифицированных слесарей-ремонтников, электромонтеров, диспетчеров, контролеров завершают дипломную производственную практику и скоро начнут самостоятельную работу в цехах УралЗИСа.

Валентина Мазур с отличными отметками оканчивает группу диспетчеров цеха. Сейчас, на выпускной практике, она заменяет сменного диспетчера цеха шасси.

Близок день, когда Валентина Мазур станет диспетчером цеха.

— Буду работать и учиться,— сказала девушка,— я уже подала заявление в вечерний политехнический институт при нашем заводе.

...В военную летную школу Юрия Сорокина не приняли из-за слабого зрения. В газете он прочитал объявление о наборе в техническое училище при УралЗИСе и поступил в группу слесарей по ремонту сложного оборудования.

Юра Сорокин вместе с Виктором Тарасовым уже самостоятельно отремонтировали сложный гидравлический насос.

И. ИЛЬИЧЕВА

Юрий Сорокин и Виктор Тарасов.

Перед началом учебного года

По конвейерам с этажа на этаж движутся сфальцованные листы, переплеты, готовые книги... На многих обложках знакомые детворе надписи: «Арифметика», «Химия», «Русская литература», «Физика», «Родная речь»... Типография «Печатный двор» имени А. М. Горького выполняет почетный заказ — готовит учебники для начальных и средних школ.

Вот в экспедиции на ленте конвейера показались кипы книг. Приемщица Тамара Сушинина снимает с ленты одну кипу за другой. В диспетчерской «Печатного двора» зафиксировали: изготовлено 16 750 тысяч учебников семнадцати наименований.

Из экспедиции книги следуют по конвейеру в соседнее здание, где помещается база. Непрерывно подходят сюда грузовые автомашины, чтобы принять срочный груз и отвезти на вокзалы.

К. КОНСТАНТИНОВ

На снимке: приемщица Тамара Сушинина снимает с конвейера последние кипы готовых учебников.
Фото Н. Ананьева.

ПОЛЬ РОБСОН — КИНОАКТЕР

(Из прошлого кино)

Кадр из фильма «Большой парень». Поль Робсон в роли Джо.

Во всем мире известен американский артист Поль Робсон. Своей популярностью он обязан не только яркому и своеобразному, многогранному таланту, но и активному участию в борьбе за мир, свободу и демократию.

Последовательный художник-демократ, Поль Робсон таким оказался и в своей кинематографической деятельности. После успешного выступления на сцене в роли Отелло (Лондонский театр «Савой». 1930) Робсон был приглашен сниматься в английском фильме «Пограничная линия». Фильм ставил один из «левых» кинематографистов, которого больше всего интересовали «блики света на черном лице актера». Это первое знакомство с кинематографией принесло Робсону глубокое разочарование.

Следующее выступление Робсона в кино связано с так называемыми «негритянскими» американскими фильмами; их выпускали на экран не только для увеселения американского обывателя, но и в целях идеологической обработки негритянской бедноты.

В 1933 году в таком фильме — «Император Джонс» — предложили выступить Полю Робсону. Сценарий был написан по одноименной пьесе, в которой многократно и с большим успехом выступали в театре Поль Робсон, Вейланд Родд, Чарльз Гилпин и другие актеры-негры.

Работа над фильмом «Император Джонс» вылилась в непримиримую борьбу Робсона с реакционными тенденциями, заложенными в сценарии. По сценарию, Брутус Джонс — неврастеник с преступными наклонностями. Робсон же сыграл добродушного увальня, попавшего в дурную компанию и решившего разбогатеть любой ценой, подражая в этом авантюристам.

«Слушай, белый человек, — говорит в фильме Джонс Смизерсу. — Есть мелкие воры, вроде тебя... с ними нещадно расправляются. Но есть крупные бандиты, у которых и деньги и власть...»

Огромная фигура здоровяка Робсона с ясным, проницательным взглядом больших умных глаз исключила всякую возможность создания на экране неврастенического характера. Фильм превратился в драму о человеке, противопоставившем себя своему народу и погибшем в результате этого.

Американские расисты сделали все для того, чтобы провалить фильм в прокате, но на экранах Европы он прошел с большим успехом.

Махинации кинопредпринимателей заставили артиста быть еще более осторожным в выборе ролей. Робсон внимательно разбирал предлагаемые ему сценарии, добивался пересмотра отдельных их положений. Фильмы «Шоу-бот» и «Песня о свободе» (1936), «Копи царя Соломона», «Большой парень» и «Иерихон» (1937) стали творческими победами Робсона.

В американском фильме «Шоу-бот» Робсон воссоздал одну из лучших ролей своего сценического репертуара — роль добродушного, человеколюбивого негра Джо. До сих пор певец исполняет песню Джо — она одна из его любимых.

Огромный Джо (Робсон) — жертва своей сварливой жены, стряпухи Квинни, искренне убежденной в том, что «более ленивого негра на Миссисипи не сыщешь». С философским спокойствием воспринимает мудрый Джо нападки Квинни. Вот он, усевшись на берегу реки, запевает песню «Старик-река», обращенную к отцу вод — Миссисипи, который все знает, который видит непосильный, изнурительный труд людей с черной кожей.

Робсон настоял на том, чтобы содержание песни «Старик-река» было образно раскрыто на экране. И под мерный ритм песни зритель видит негра, согнувшегося под исполинской ношей, обессиленного изнурительным трудом, негра, попавшего в тюрьму... Вокруг Джо, сидящего на берегу, собирается толпа негров-грузчиков. Сначала они только слушают, потом начинают подпевать. Песня Джо стала центральным эпизодом фильма.

Своим шумным успехом фильм «Шоу-бот» был обязан Робсону; это подтверждала и пресса США, но вслед за тем Голливуд отказался возобновить контракт с актером.

Из английских фильмов 1936—1937 годов с участием Робсона следует упомянуть «Иерихон», съемки которого частично производились в Северной Африке. Действие фильма было сконцентрировано вокруг главного героя — капрала-негра, безвинно приговоренного к казни, хотя он самоотверженно спасал погибающих в море солдат американской армии.

Капитан Мак, рискуя репутацией и карьерой, сделал все от него зависящее, чтобы спасти жизнь своего друга — невинно осужденного негра. В свою очередь, Иерихон готов пожертвовать всем для капитана Мака. Благородный облик негра-капрала, созданный Робсоном в фильме «Иерихон», дружеское отношение к Иерихону со стороны Мака и других белых были настолько необычны для американских кинодельцов, что фильм был изъят из проката и позже вторично выпущен в изуродованном варианте под названием «Мрачные пески».

В английском фильме «Большой парень» негр-бродяга Джо в исполнении Робсона опять оказался выше, человечнее, благороднее окружающих его недостойных людей с белой кожей — мошенника Спайка и других. В отдельных репликах «Большого парня» была, по существу, затронута расовая проблема. Обозреватель голливудского журнала «Бокс-оффис» писал по поводу «Большого парня»: «Этот по сути своей развлекательный английский фильм, к сожалению, начинен динамитом...»

Последняя из английских кинокартин с участием Робсона — «Гордая долина» (1939). С большой охотой согласился Робсон работать над ролью негра-шахтера Давида, поскольку сюжет фильма отвечал его требованиям к прогрессивному искусству. В этом фильме были две темы. Первая — о дружбе белых и черных — убедительно и последовательно раскрывается на протяжении всего фильма через отношения негра Давида с семейством уэльсского шахтера Дика Перри. Вторая тема — участие уэльсских шахтеров в войне против фашизма, их борьба за пуск в эксплуатацию заброшенных шахт.

Деятельность Робсона в англо-американском кино не ограничивалась актерской работой. Он принимал активнейшее участие в борьбе с реакционерами, протестовал против расправы в Голливуде с прогрессивными кинодеятелями, против травли Чарли Чаплина. Робсон участвовал в качестве диктора-комментатора в фильме «Родная земля» (1942), выпущенном организацией «Фронтир филмс». Это был кинорассказ об антидемократической деятельности профашистских организаций в Америке, о судах линча, о расовой дискриминации.

Когда Робсон-актер был внесен в черные списки, фильмы, снятые с его участием, изъяли и запретили.

Г. АВЕНАРИУС

Реклама английского фильма «Копи царя Соломона»

ТУРНИР В ГЕТЕБОРГЕ

10—14 АВГУСТА. Крепнут и ширятся культурные связи Советского Союза с другими странами. В Москву и из Москвы отправляются многочисленные делегации туристов. Уже не говоря о Внукове, на всю мощь работают аэропорты в Праге и Стокгольме — важнейших пунктах на пути в Москву. Нашей делегации из 15 человек пришлось разделиться на три группы. Трасса Стокгольм — Москва сильно перегружена, и поэтому после приезда в Швецию нам советовали сразу заказать билеты на обратный путь.

На аэродромы, на вокзалы, в морской порт Гетеборга прибывают шахматисты разных стран на межзональный шахматный турнир. Последним приехал немецкий гроссмейстер В. Унцикер — на машине.

Находится здесь и чемпион мира М. Ботвинник; вместе с В. Рагозиным и В. Чудовой он принимает участие в работе конгресса Международной шахматной федерации (ФИДЕ). М. Ботвинник приветствует многих старых знакомых. Долголетний чемпион мира сердечно поздравляет Бориса Спасского — нового чемпиона мира среди юношей. Без отдыха Спасский прилетел сюда прямо из Антверпена. Это, конечно, большая физическая нагрузка, но в 18 лет человек может себе позволить играть и два месяца подряд в шахматы.

Кое-кто и не приехал в Гетеборг. От участия в турнире отказались Д. Яновский из Канады и С. Решевский и Л. Эванс из США.

15 АВГУСТА. С давних пор в шахматном мире обсуждается вопрос: что такое шахматы — игра, наука или искусство? Если искусство, то символично, что турнир в Гетеборге проходит в помещении музея искусств.

Сегодня — первый тур. Чемпион мира среди юношей находился в худшей позиции против Л. Сабо. Но все обошлось благополучно: ничья.

О В. Унцикере рассказывают, что он очень тщательно готовился к турниру. Но в шахматах никогда нельзя подготовиться до конца. И когда дело дошло до ладейного окончания, Г. Нливицкий легко переиграл немецкого гроссмейстера.

16 АВГУСТА. В зрительном зале шепчут: «У Б. Спасского с Х. Доннером плохая позиция». Неожиданно Х. Доннер, самый высокий участник турнира, «зевнул качество». Нельзя сказать, что Б. Спасский блестяще провел партию, но очко пригодится. Везет молодежи! Кстати, аргентинский гроссмейстер М. Найдорф потерпел поражение от О. Панно, экс-чемпиона мира среди юношей.

Польский мастер Б. Слива оказал весьма активную помощь представителю Урала Г. Нливицкому в приобретении второго очка.

18 АВГУСТА. В третьем туре шведский гроссмейстер Г. Штальберг и его противник Б. Рабар (Югославия) поставили рекорд в турнирной практике. Одиннадцать «глубоко продуманных ходов» Б. Рабар сделал за 25 минут, а Г. Штальберг — за 2 минуты! Понятно, что за 27 минут оба шахматиста не смогли создать произведения шахматного творчества, но согласиться на ничью они успели.

Зрители получили удовольствие от энергичного окончания партии А. Фудерера против А. Бисгайера и от кристально чистой игры Д. Бронштейна в партии с Б. Сливой.

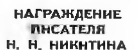
19 АВГУСТА. Игра на турнире начинается в 5 часов вечера. Зрители платят за вход 3 кроны. Те из них, которые явились примерно в 7 часов, имели моральное право на скидку, поскольку к этому времени три партии уже закончились вничью. Девять партий в этот мирный день дали ничейный исход.

Важную и красивую победу одержал П. Керес над Б. Спасским. После тридцатого красивого заключительного хода Кереса Б. Спасский сдался, и зрители наградили аплодисментами советского гроссмейстера за красивую игру. Эта партия была напечатана во многих газетах Швеции.

21 АВГУСТА. Сегодня у участников турнира выходной день. Они слушали радиорепортаж на разных языках с московского стадиона «Динамо» о футбольном матче СССР — Германская Федеральная Республика. Кроме В. Унцикера, все участники предсказали победу команде Советского Союза. Но точный счет — 3 : 2 — угадал аргентинский мастер О. Панно.

Сало ФЛОР

Гетеборг. (По телефону.)

НАГРАЖДЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ Н. Н. НИКИТИНА

За заслуги в области художественной литературы, в связи с 60-летием со дня рождения награжден орденом Трудового Красного Знамени писатель Николай Николаевич Никитин.

Абажур и шляпа

В воскресенье поехал я на электричке к приятелю на дачу. Сидел у окна, любовался пейзажами и чуть не проморгал свою остановку. Выскочил как оглашенный из вагона, когда поезд уже тронулся. Стою на платформе и чувствую: что-то забыл в вагоне. А что именно? Вдруг хватаюсь за голову:

— Шляпа!

Новенькая серая фетровая шляпа, пятьдесят девятый размер! Ее-то я и забыл в вагоне.

Делать нечего...

С обнаженной головой побрел я на дачу к своему приятелю. А там оказалась уйма гостей. Узнав о потере, они начали меня успокаивать, утешать.

Дескать, не надо вешать нос на квинту. Шляпа — дело наживное. Главное — здоровье. И вообще забудьте, уважаемый Гурков...

Ах, да! Я забыл представиться. Простите, пожалуйста. Моя фамилия — Гурков. Афанасий Николаевич, младший экономист. Но фамилию мою можете не печатать. Впрочем, если для пользы дела нужно,— не стесняйтесь...

И вот они мне там, на даче, говорят:

— Забудьте, уважаемый Гурков, о вашей утрате. Будьте выше шляпы. У вас в жизни еще будет много разных шляп.

Потом гости, перебивая друг друга, начали рассказывать аналогичные истории — о вещах, оставленных в вагонах.

Одна гражданка рассказала о том, как ее дед, очень рассеянный старик, забыл в вагоне электрички задремавшую бабушку.

— Надо полагать, дедушка получил свою бабушку в столе находок,— пошутил какой-то молодой человек.

Мой дачный приятель, подняв указательный перст, воскликнул:

— О!

Он тут же разъяснил причину своего восклицания.

— Товарищ Гурков,— сказал он, обращаясь ко мне.— Завтра утром мы вместе поедем в город и зайдем на вокзале в стол находок...

Рано утром я вместе с приятелем поехал в город.

И вот мы в столе находок. Начальник этого стола (по-старому столоначальник) встретил нас очень приветливо, как будто давно нас ожидал и мы его осчастливили своим посещением.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал он, широко улыбаясь.

Но это любезное приглашение не имело под собой никакой реальной базы. В столе находок не было ни одного стула, кроме высокой табуретки, на которой гордо восседал начальник стола. Но мы все-таки поблагодарили за оказанный нам теплый прием.

Дальше между мной и начальником стола произошел разговор, который я передаю со стенографической точностью.

Начал я:

— Вчера, товарищ начальник, я в вагоне забыл свою шляпу.

— Очень рад. Очень рад.

— Чему, собственно говоря, вы так радуетесь, товарищ начальник?

— Тому, что вы обратились именно к нам. Мы стоим на страже интересов всех рассеянных, всех, я бы сказал, ротозеев.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Это наш долг. Итак, вы в одном из вагонов забыли шляпу. Приметы?

— Мягкая фетровая шляпа, пятьдесят девятый размер.

— По данным статистики, мягких фетровых шляп пятьдесят девятого размера имеется в Советском Союзе в количестве... дай бог память...

— Но есть, товарищ начальник, еще одна важная примета. На подкладке, справа, чернильным карандашом написано «А. Гурков». С вашего позволения, я А. Гурков.

Начальник спустился со своего табуретного трона, шмыгнул в соседнюю комнатушку и торжественно вынес оттуда мою шляпу.

Но погодите радоваться... Вынес начальник мою шляпу и говорит:

— Все правильно. Это действительно ваш предмет. А теперь опишите, пожалуйста, приметы абажура.

— Чего? Чего?

— Абажура!

— Какого абажура?

— Это вы сами скажите, какой он из себя, как выглядит.

— Да не знаю я никакого абажура.

— Это, гражданин, вы так утверждаете. А по документам выходит другое. По документам черным по белому написано, что в вагоне номер семь на одной скамейке справа по ходу поезда обнаружены забытые вещи: а) шляпа и б) абажур. А посему «а» можете получить только вместе с «б», то есть шляпу вместе с абажуром.

— Но ведь это чужой абажур. Я действительно вспоминаю: рядом со мной в вагоне дремал какой-то дачник. Он вез телевизор, корзинку с яйцами, серую кошку и сиреневый абажур. Видимо, выскакивая из вагона, он спросонья успел захватить телевизор, яички, кошку, а сиреневый абажур оставил.

— Какой, вы сказали, абажур?

— Сиреневый, большой.

— Совершенно верно. Приметы сходятся. Абажур ваш.

— В жизни у меня не было сиреневых абажуров. И не будет! Отдайте мою шляпу, я спешу на работу.

— Без абажура шляпа не выдается.

— Почему? В каком родстве оказалась моя шляпа с абажуром?

— Оба эти предмета, гражданин, заактированы вместе. Понятно? Русским языком вам говорю — заактированы! Акт менять не можем: он уже зарегистрирован.

— Как же быть?

На этот вопрос ответил мой дачный приятель, который все время молчал и не вмешивался в нашу интересную беседу с начальником стола.

— Вот что, товарищи! — сказал он.— Дело ясное. Против акта не пойдешь. Садитесь, товарищ Гурков, и пишите заявление о выдаче вам шляпы и абажура... Не перебивайте меня! Вы надеваете шляпу на голову. Берете в руки абажур. Выходите на платформу. Заходите в любой вагон. Оставляете там этот проклятый сиреневый абажур. Следом за вами идет вот эта юная девица. Ваша сотрудница, товарищ начальник? Чудесно! Она находит абажур... конечно, чисто случайно. Приносит абажур сюда. Новая находка! Пишется новый акт! Все в порядке.

К моему удивлению и даже огорчению, начальник стола признал этот фарс законным. Все было сделано так, как предложил мой находчивый приятель. Я получил свою шляпу.

Мои дела, как говорится, в шляпе. Но мне почему-то не весело...

Г. РЫКЛИН

БУТЫЛОЧНАЯ ПОЧТА

№

Разбейте бутылку и прочтите.

Break the bottle and read.

Колхозник-якут Н. П. Третьяков, проходя по берегу речки Курдичиной, заметил стеклянную бутылку. Подняв находку, он стал ее рассматривать. Бутылка была герметически закупорена, а внутри под толстым стеклом виднелся листок бумаги с надписью крупными буквами: «Разбейте бутылку и прочтите».

Разбив бутылку, колхозник извлек из нее записку. В правом углу ее стоял № 101, а ниже следовал короткий текст:

«Бутылка эта брошена с целью изучения течений с транспорта Гидрографической Экспедиции Северного Ледовитого Океана «Таймыр».

Нашедшего покорнейше просят написать на сем же, где и когда найдена бутылка, и затем отослать эту записку по адресу, напечатанному на обороте, хотя бы не оплачивая почтовой маркой».

Этот же текст повторялся дважды — на английском и китайском языках. Колхозник очень удивился, прочтя, что бутылка брошена в море 15 августа 1913 года — свыше 40 лет тому назад. Запись гласила: бутылка брошена на 70° 32′ северной широты и 164° 27′ восточной долготы. На обороте листка был адрес, по которому следовало отослать находку: «Россия. С.-Петербург. Главное Гидрографическое Управление».

Недавно листок доставлен в Арктический научно-исследовательский институт в Ленинграде.

Впервые «бутылочная почта» использована в научных целях более 150 лет назад. В конце прошлого и в начале нынешнего века этот способ стали применять довольно часто.

Однако стеклянная бутылка может быть раздавлена льдами и разбиться о камни. Поэтому с кораблей сбрасывают еще деревянные буйки яйцеобразной формы длиной до полуметра. Посредине буйка высверливается отверстие, в него закладывается запаянный винторезный патрон с запиской-открыткой, и отверстие забивается деревянной пробкой, которая засмаливается.

В 1935 году с борта ледокола «Садко» было сброшено в Гренландское море 20 буйков. Прошло пять месяцев, и часть из них обнаружили у берегов Исландии. Интересно, что один буек — № 19 — плавал 174 дня, скорость дрейфа его равнялась 5—5,5 мили в сутки.

Путь некоторых буйков и бутылок бывает иногда чрезвычайно длинным и сложным. Известен случай, когда бутылка, сброшенная в декабре 1900 года на юге Атлантического океана, близ берегов Патагонии (Южная Америка), была обнаружена в 1904 году у западного побережья Новой Зеландии. За 1 271 сутки бутылка прошла рекордный путь — около 20 тысяч километров, обогнув почти три четверти земного шара, продвигаясь со среднесуточной скоростью в 8,5 морской мили.

Н. ЧЕРЕВКОВ

Вера, Надежда, Любовь...

У молодых супругов Копыловых, студентов заочного Московского полиграфического института, трое дочерей-близнецов: Вера, Надежда, Любовь. Девочкам недавно исполнилось два года.

— Как вы с ними, с тремя, управляетесь? — спрашивает у Ларисы Сергеевны почти каждый, кто впервые видит семью Копыловых.

— Это не так трудно, как кажется,— с улыбкой отвечает молодая мать.— Правда, когда девочки были грудными, я на год брала отпуск. Но сейчас они выросли, ходят, давно уже говорят, и я возобновила занятия в институте. Муж мой работает старшим техником института научной информации Академии наук СССР. Он помогает мне во всех домашних делах.

Вера, Надя и Люба — крепкие белоголовые девочки. Они весьма самостоятельны для своего возраста. По утрам близнецы просыпаются вместе и разом садятся в своих кроватках. Кушают, конечно, за одним столом, и каждая из сестер старается обогнать другую, чтоб первой показать матери пустую тарелку. Гуляют близнецы чинно, держась за руки. Засыпают быстро и дружно.

Живет семья в новом доме на Боровском шоссе. После рождения близнецов Копыловы получили квартиру со всеми удобствами. За здоровьем трех сестер постоянно наблюдает врач.

И. МИХАЙЛОВА

Фото Р. Лихач.

ХОРОШО НАРИСОВАННАЯ КАРТИНА

Изошутка А. Юрьева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Кредитный билет. 8. Сооружение для добычи подземных вод. 9. Итальянский певец-тенор. 11. Произведение Шекспира. 12. Необходимость выбора между двумя возможностями. 13. Морское животное. 16. Внешний признак. 18. Растение с цветком причудливой формы. 19. Музыкант. 21. Музыкальное произведение. 24. Горизонтальный уступ земной поверхности. 25. Пояснение автора к тексту пьесы. 27. Частица атома. 29. Исходный пункт. 30. Участок земли под овощами. 31. Радиоактивный элемент. 32. Железнодорожный узел между Москвой и Ленинградом.

По вертикали:

1. Кристаллическое вещество, употребляемое в технике и медицине. 2. Административно-территориальное подразделение. 3. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 4. Народная республика. 5. Установленная мера, средняя величина. 6. Персонаж «Барышни-крестьянки» А. С. Пушкина. 10. Непредвиденное обстоятельство. 14. Прерывистая линия. 15. Участница «Молодой гвардии». 16. Озеро в районе Валдайской возвышенности. 17. Певчая птичка. 20. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 21. Инородный обломок среди изверженной породы. 22. Производственная специальность. 23. Бродячий комедиант в древней Руси. 26. Нагорье в Средней Азии. 28 Предлог. причина

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

6. Машиностроитель. 9. «Ночь». 12. Скип. 13. Восхождение. 18. Гантель. 19. Ротация. 20. Лядов. 21. Косилка. 22. Ложбина. 23. Диссертация. 27. Цирк. 29. Поти. 30. Существительное.

По вертикали:

1. Юань. 2. Конюх. 3. Стриж. 4. Домье. 5. Флюс. 7. Постановщик. 8. Цикличность. 10. Коллекция. 11. Философия. 14 Обаяние. 15. Депозит. 16. «Стоик». 17. Самбо. 24. Смета. 25 Рупия. 26. Алиев. 28. Клуб. 29. Пеон.

В этом номере на вкладках: восемь страниц цветных фотографий.

СПОРТИВНАЯ ЗАКАЛКА

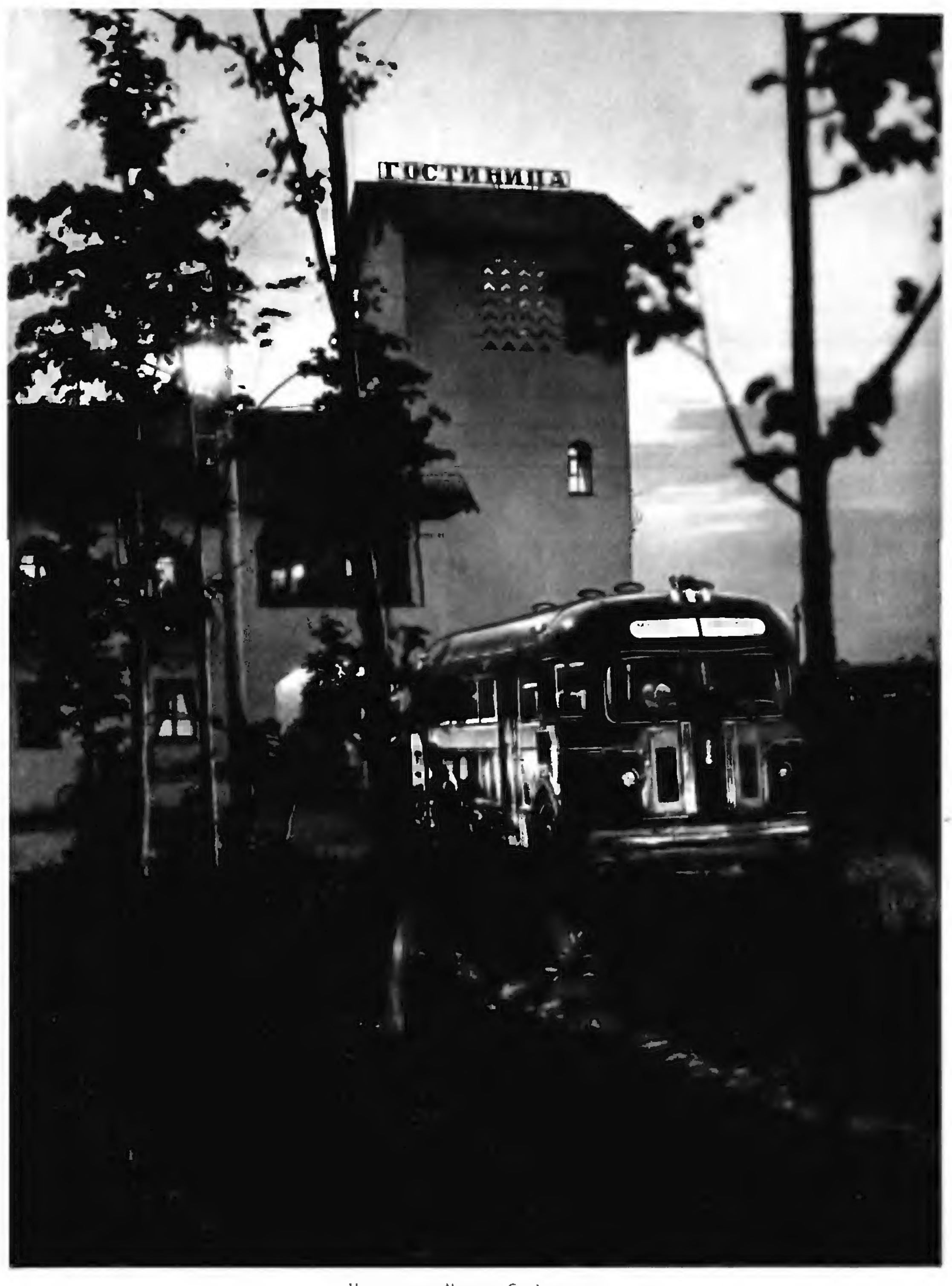
Изошутка Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 04629. Подп. к печ. 24/VIII 1955 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 691. Заказ 2043. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На автостраде Москва — Симферополь.

Фото Л. Бородулина.

Цена номера 3 руб